

IV. Из архива РЭМ

С. И. Сергель

Экспедиция к норвежским лопарям

Автор публикуемой рукописи Сергей Иванович Сергель — путешественник, этнограф, писатель. О нем, о его жизни и деятельности очень мало известно отечественным специалистам. Первая и единственная статья, посвященная С. И. Сергелю, была написана М. С. Куропятник; публикация вышла на английском языке в журнале «Acta Borealia» в 1996 г.¹

С. И. Сергель родился 23 сентября 1883 г. в местечке Синявка Слуцкого у. Минской губ². Он был студентом физико-математического факультета разряда естественных наук Санкт-Петербургского университета; учебу Сергель совмещал с работой домашнего учителя. С 1906 по 1909 г. в качестве корреспондента ЭО студент Сергель работал в двух экспедициях у коми-зырян и зарубежных саамов (лопарей) Норвегии и Финляндии. Во время полевых исследований он собирал этнографические материалы, в том числе предметы культуры и быта, производил фотосъемку. С. И. Сергель является автором двух популярных книг: «Год кочевья с лопарями» и «В зырянском краю».³

В студенческие годы во время учебы на естественном отделении физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета Сергель нашел свое истинное призвание. В 1903 г., побуждаемый, по его собственным словам, «любопытностью и страстью к путешествиям», он предпринял за свой счет поездку по Северной России в бассейн р. Печоры на pp. Колву и Унью. Для того времени это было серьезным и достаточно опасным предприятием, так как поездка осуществлялась в одиночку, сначала на лодке, затем пешком, с ружьем за плечами. Путешественника в равной мере интересовала и природа, и население этого сурового края: «Во время этих скитаний мне пришлось близко узнать тип и характер тамошнего жителя, пришлось часто сталкиваться с русским старообрядческим населением, с зырянами, вогулами, даже с самоедами-пастухами зырянских оленей».⁴

Это путешествие сформировало интересы исследователя. Оно дало опыт, уверенность в своих силах, а также послужило серьезной физической подготовкой к дальнейшим путешествиям и работе на Севере: «я хорошо освоился с местными физическими условиями, закалил себя в перенесении разных неудобств путешествия по непроходимым лесам и теперь такого рода препятствия не могут быть мне помехой в работе».⁵

В 1906 г. С. И. Сергель предложил свои услуги ЭО в качестве исследователя и собирателя коллекций и материалов по этнографии коми-зырян, живущих в бассейне среднего течения Печоры. Дирекции музея Сергель представил в качестве

рекомендации письмо профессора Д. Гримма, в семье которого он служил репетитором у детей. Профессор Гримм пишет, что близко знает Сергеля в течение двух лет и характеризует его положительно: «Это усердный работник и честнейший человек, на которого везде и во всем можно безусловно положиться».⁶

Его первой научной этнографической экспедицией стало четырехмесячное путешествие, длившееся с мая по сентябрь 1906 г. к коми-зырянам Вологодской и Архангельской губ. Во время этой экспедиции он собрал 490 экспонатов, которые отражают разные этнографические темы — хозяйство, народную технику, утварь, воспитание детей, верования, лекарственные травы, музыкальные инструменты, одежду и обувь. Все эти предметы были тщательно зарегистрированы самим собирателем. В этой поездке С. И. Сергель также сделал 156 фотоснимков, запечатлевших виды селений, жилые и хозяйственные постройки, основные занятия населения. Еще на 29 снимках представлены антропологические типы коми-зырян.⁷

По материалам этой поездки Сергель написал работу, посвященную постройкам коми-зырян. Она была успешно окончена, одобрена, принята к публикации в сборнике трудов музея — «Материалах по этнографии России». Однако эта рукопись осталась неопубликованной.⁸

Сергель мечтал о продолжении экспедиционной работы у коми-зырян, несколько раз представлял в дирекцию музея планы и сметы будущей поездки. Но его мечта не осуществилась.

Позднее, в 1928 г., по материалам своих первых путешествий ученый подготовил и издал популярный очерк под заглавием «В зырянском краю».

С. И. Сергель как человек, хорошо себя зарекомендовавший и успешно справившийся с поставленными перед ним задачами, вскоре получил новое задание от ЭО. Это была длительная командировка на север Скандинавского п-ва в Норвегию и Финляндию с целью изучения культуры зарубежных саамов (лопарей). Она продолжалась полтора года: с 15 мая 1907 г. по 1 января 1909 г. Приехав сначала в Стокгольм, а потом в Осло, он начал знакомиться с саамской культурой по коллекциям в музейных собраниях этих городов. Одновременно он получал необходимые для работы официальные разрешения. Затем началась нелегкая работа в полевых условиях. Приобретение экспонатов осложнялось отсутствием достаточных денежных средств. Были и другие проблемы. В доверительном письме от 27 сентября 1907 г. к Ф. К. Волкову, хранителю ЭО, который был его куратором, Сергель жалуется на достаточно недружелюбное отношение к нему норвежцев и лопарей «как к русскому, каковые вообще здесь не пользуются любовью». Далее он пишет: «... меня обыкновенно принимают за шпиона, так прямо и спрашивают, шпион я или нет, а когда я отвечаю, что нет, то только скептически улыбаются. Естественно, в силу этого и отношение зачастую прямо возмутительное. Спасает меня, хотя далеко не всегда бумага от норвежского Министерства иностранных дел, но здесь портит дело, что Музей Императора Александра III-го — норвежцам и лопарям кажется подозрительным, что студент работает для Императорского Музея. Указываю им также на то, что, хотя я и шатаюсь по наиболее глухим углам, но ведь всегда держусь среди людей, что нанимаемые мной помощники, проводники видят все, что я делаю и т. п. В результате, обыкновенно, соглашаются, что я не шпион, но я далеко не уверен, что в душе они также поверили».⁹

С. И. Сергель постепенно преодолевал все возникавшие трудности. Как он писал позднее: «... вообще моя лопаризация происходила вполне успешно. Я оделся во все

лопарское, ел то же, что и все, и так же, как все. Оказалось, что еда прямо пальцами имеет свои преимущества, увеличивая сумму вкусовых ощущений осязательными ощущениями. Понемногу я начал понимать преимущества человека, имеющего при себе чесальный крючок, перед тем, кто вынужден обходиться без него. Даже когда в коакты никого не было, меня не тянуло помыться — я тоже мог простудиться и, таким образом, мытье было и мне нездорово. Сначала при разговорах моих хозяев я вынужден был преимущественно молчать, но мало-помалу научился не только понимать их беседу, но оказался в состоянии и сам участвовать в разговоре». ¹⁰ В этом же письме Сергель радостно сообщает Ф. К. Волкову о том, что ему удалось приобрести «по крайней мере, одну хорошую вещь — ткацкий стан», здесь речь идет об архаическом варианте ткацкого станка, который к тому времени уже практически вышел из употребления. Это вертикальный саамский станок с грузом, приобретенный исследователем у морских саамов в с. Стабуснес на западном берегу Порсангер-фиорда.

В другом письме Ф. К. Волкову он пишет: «Простите, что пишу на открытке: тороплюсь отправить с ней лопарскую шубку, не влезшую с остальными вещами в ящики, с зашедшим в фиорд пароходом. С морскими лопарями покончил: приобретено 150 с лишком вещей на сумму 358,1 крон, т. е. около 180 рублей. Еще раз прошу: осторожнее с вещами. На днях встретился с лопарским миссионером, также собирающим коллекции для музея в Христиании, и от него услышал, что, как уже и писал Вам, ткацкий станок, найденный мною, очень дорог, т. к. такой есть только в Тромсенском музее, да и то хуже найденного и посланного мною в Петербург. Он лежит свернутым в большом ящике. Заплатил я 10 крон. С минуты на минуту жду fuell-larra, т. е. оленевода с оленем для моего багажа: отправляюсь с его семьей номадить к Карашоку. Будем в горах 2 с половиной-3 месяца, за это время вряд ли буду иметь возможность писать». ¹¹ Здесь упомянут оленевод Генрик Андерсен Сар, с семьей которого кочевал С. И. Сергель.

Исследователь скрупулезно собирал материалы по культуре и быту саамов.

В целом Сергелю удалось приобрести для музея богатый фактический материал: 317 предметов у норвежских саамов и 67 — у саамов Финляндии. ¹² Кроме того, из экспедиции он привез 93 фотографии, которые сделал сам, и около десяти этнографических рисунков. ¹³ Эти материалы характеризуют особенности культуры различных этнографических групп саамов, особенно полно по таким темам, как «Одежда и украшения», «Средства передвижения», «Утварь». Сергель сам обрабатывал и регистрировал привезенные коллекции. М. С. Куропятник дала высокую оценку как самим коллекциям, так и его аннотациям вещественных памятников. ¹⁴ По итогам экспедиции им был написан большой научный отчет «Экскурсия к норвежским лопарям», который представляет собой достаточно полный очерк культуры зарубежных саамов рубежа XIX–XX вв.

Позднее Сергель, переработав собранные материалы, написал популярную книгу «Год кочевки с лопарями: очерки природы и людей», которую опубликовал в 1927 г. Сравнение текстов этой книги с рукописью, хранящейся в архиве музея, показало, что по своему содержанию они не «перекрывают» друг друга.

О дальнейшей судьбе Сергеля мы почти ничего не знаем. К сожалению, его сотрудничество с Этнографическим отделом не получило дальнейшего развития. Судя по архивным документам, он считал себя обиженным дирекцией и отказался от дальнейших контактов с музеем.

В начале 1930-х гг. С. И. Сергель занимал должность преподавателя техникума в г. Волоколамске. Можно предположить, что он был выслан туда, «на 101-й километр», как и многие другие представители интеллигенции в то время. С. И. Сергель страстно хотел вернуться к работе, которую считал своим главным призванием. Из имеющихся в личном деле документов следует, что в Сергель собирался устроиться на работу в качестве краеведа в Комитет Севера при Президиуме ВЦИК, для чего весной 1930 г. обратился за рекомендацией в ЭО. Д. А. Золотарев, заведующий Отделением этнографии великорусов и финнов, положительно характеризуя С. И. Сергеля, отмечал, что тот «обнаружил умение и понимание дела», и что рукописи его работ представляют большой интерес. Профессор Золотарев также видел в нем «вдумчивого и внимательного наблюдателя, обладающего способностью собрать материал по быту населения в сравнительно короткое время и изложить его в живой форме».¹⁵ Мы не знаем, помогла ли Сергелю эта рекомендация. Дальнейшая судьба этого талантливого человека не известна, есть все основания предполагать, что он был репрессирован.

Коллекции вещественных памятников, собранные С. И. Сергелем, его фотографии и этнографические материалы имеют значительную научную ценность и ждут своих исследователей. Неопубликованная рукопись отчета «Экскурсия к норвежским лопарям», хранящаяся в архиве РЭМ, представляет большой интерес. Эти материалы необходимо ввести в научный оборот и сделать доступными для ученых. Именно этими соображениями мы руководствовались, готовя эту рукопись к публикации.

Публикуемая рукопись С. И. Сергеля «Экскурсия к норвежским лопарям» хранится в музейном архиве.¹⁶ На обложке рукописи имеется еще одно название: «Отчет С. И. Сергеля о поездке к норвежским лопарям».

Она представляет собой переплетенный том авторской рукописи, перемежающейся страницами машинописного текста, который носит следы авторской правки. Общий объем — 143 пронумерованные страницы.

Текст Сергеля состоит из 12 самостоятельных глав, обозначенных автором заглавными буквами латинского алфавита, которые мы при публикации опустили. Каждая из них посвящена отдельной теме: «Общий обзор Финмаркена»; «Олень и его потребности»; «Физические особенности лопарей»; «Бытовая техника»; «Средства передвижения»; «Одежда»; «Жилище»; «Пища»; «Экономический быт»; «Секта последователей Лестадиуса»; «Оседлые лопари Финмаркена и Финляндии»; «Лопарский язык и школа».

К публикуемому тексту прилагаются рисунки и чертежи (образцы меток на ушах и боках оленей, ткацкий стан).

Для публикации мы выбрали главы с первой по одиннадцатую, сохранив в основном их последовательность. Исключение составила глава «Оседлые лопари Финмаркена и Финляндии», ее мы, в соответствии с логикой изложения материала, поместили после главы «Экономический быт».

Текст публикуется с незначительными сокращениями; авторская пунктуация и орфография в основном сохранены. Географические названия, за исключением специально оговоренных, и вся терминология приведены в написании, которого придерживался С. И. Сергель.

* В настоящем сборнике дается современное название этой области — Финномарк.

Общий обзор Финмаркена

Область Финмаркена представляет собой самую северную часть Норвегии<...>

Площадь Финмаркена равна приблизительно 48 500 кв. км, из которых около 1800 кв. км занимают озера. С севера Финмаркен омывается Ледовитым океаном, на востоке граничит с Россией, на юге — с Финляндией, а на западе — с областью Тромсе.

Горы Финмаркена по сравнению с остальной Норвегией невысоки и имеют удлиненные волнообразные очертания. Крутые и даже отвесные утесы встречаются чаще всего вдоль фиордов, у которых вообще горы достигают большей высоты, чем во внутренней части. Сверх того, северная половина Финмаркена поднята выше южной. Наивысшей точкой считается гора Уокельфиордбреен, расположенная на западе от Оксерфиорда в западной части Финмаркена и поднимающаяся на 1166 м над уровнем моря. Вершина эта является в то же время главным рукавом Оксфиордского ледника, самого большого в Финмаркене и известного еще тем, что из всех ледников Норвегии только он один достигает моря.

Установить точную границу снега для Финмаркена почти невозможно, так как температура внутренней его части и внешней далеко не одинаковы. Так, край ледника на острове Зейлянд лежит на высоте приблизительно 900 м над уровнем моря, тогда как на горе Растекайсс, достигающей высоты в 1059 м, но расположенной в восточном Финмаркене и удаленной от моря, снег если и сохраняется, то лишь в защищенных от солнца лощинах.

Такие не растаивающие круглый год залежи снега встречаются здесь во многих местах. Не оттаивающая земля — тоже явление далеко не редкое. Так, например, около селения Каутокейно была обнаружена промерзлая земля на солнечной стороне под сухим песком на глубине 1,5 м.

Из горных пород чаще всего встречаются гранит и гнейс, особенно в юго-восточной части, в северо-западной же имеются большие залежи песчаника и кварца. Горы прорезываются массой речек и потоков, соединяющих друг с другом бесчисленные озера. Из рек главными по величине являются Паз-река, Тана и Альтен-ельвен или Штар-ельвен, т. е. Большая река. Из них Паз-река служит границей с Россией, Тана — с Финляндией, а Альтен-ельв только верховьями протекает вне Финмаркена.

Озер в Финмаркене насчитывают до 20 000 площадью, равной приблизительно 1900 кв. км. Из них наибольшее — Уем-яури, площадью, равной 55 кв. км, и лежащее на 406 м над уровнем моря внутри средней части Финмаркена.

Из деревьев больше всего распространена береза, растущая обыкновенно группами: большими, составляющими иногда маленькие, редкие лески, и малыми группами из 2-3 березок. Растут эти деревья крайне плохо, изломанно пригибаясь к земле. Затем идет сосна, образующая в юго-восточной части Финмаркена целые леса, сливающиеся с лесами Финляндии. Другие немногочисленные породы деревьев попадают очень редко, так, например, точно известно количество елей и места, где они растут. Всего леса в Финмаркене до 1800 кв. км, но при этом надо заметить, что около 1200 км приходится на долю березняка, имеющего скорее вид кустарника, не сглаживающего пустынного вида голых гор.

Олений мох покрывает почти весь Финмаркен. Трава растет в немногих сравнительно местах, по берегам речек и озер.

Разнообразием видового богатства фауна Финмаркена не отличается. В восточной части его иногда попадает медведь, волк, лиса, заяц, некоторые мелкие пушные животные; всевозможные породы мышей встречаются везде.

Пустыни и дики ландшафты Финмаркена, особенно внутренней части его.

Гигантские, широкие волны каменных гор развернулись во все стороны, черно-синими громадами вырисовываясь на дальнем горизонте. Там и сям этот темный фон прорезывается серебристо-белыми нитями ручьев и речек, представляющих нередко сплошной пенистый водопад; кое-где поблескивают глубокие озера; в ущельях белеют снега, выпускающие из себя шумные потоки воды; иногда глаз замечает сероватые пятна леса, состоящего обыкновенно из одного-двух десятков засохших, уродливо пригнувшихся к земле маленьких берез. По небу тихо движутся серые тучи, задевая иногда наиболее высокие горы и скрывая их темные вершины в серой мгле. Одиноко прозвучит среди мертвой тишины меланхолический стон куличка на берегу тихого озера, пискнет полевая мышь, живо скользя от маленькой лужицы по проторенной крохотной дорожке в нору, глухо застучит камень, сорвавшийся и влекомый по дну, быстро несущийся водою потока, тихо защелестит редкая, полувысохшая трава, затянувшая небольшие болотца, однотонно, чуть слышно прогудит комар — и опять надолго воцаряется почти сказочная тишина. Иногда заморосит вдруг дождь, затягивая все серою мглою, отчего вид кажется еще более широким и беспредельным, пустынным и тоскливым.

Но стоит мгле разойтись — и картина, как по волшебству, резко меняется: покрывающий горы красноватый мох под косыми лучами спустившегося полночного солнца загорается особым светом, и кажется, что кто-то раскинул по горам бархатные горящие чистым пурпуром ковры, тогда как дальние, теневые части гор становятся иссиня-черными, и еще резче вырисовываются на них серебряные змейки потоков и стальные полоски озер.

Проходит короткое, холодное лето, и начинается осень. По небу без конца плывут тяжелые, темные облака, то и дело спускаются в ущелья до самой земли, и картина принимает вид какого-то хаоса. Иногда клубы этих облаков-туманов прорываются, и среди темного хаоса из смутных гор и мглы блеснет вдруг клочок яркого лазурного неба, поласкает секунду глаз и тотчас опять заволочется плывущими тучами.

Зимою все завалено снегами. Солнце не показывается; лишь в полдень загорится на юге нежная бледно-лиловая заря, окрасит снега чуть приметным розоватым отливом, отбросит такие же бледные синеватые тени, посветится час-другой, и тихо гаснет, сменяемое северным сиянием и звездами. Незаметно вспыхивает на севере голубой огонь, дрожит, переливается, прозрачное пламя распространяется по всему звездному небу, неслышно носится по всей его шире, то разрываемое невидимой мглою на отдельные клочки и языки, то свиваемое в необъятные клубы. Порою этот свет развертывается в величественную огненную арку, из которой один за другим вылетают столбы разноцветного пламени, передвигающиеся параллельно один другому, друг за друга заходящие и сменяющиеся новыми.

С конца января вершины высоких гор загораются розовым светом. День за днем пространство освещенного снега все увеличивается, а нижняя часть горы, теневая, уменьшается; граница света и тени опускается все ниже, и в один прекрасный день радостное солнце на мгновение заглядывает в долины, где приютился человек.

Весна наступает поздно, но зато проходит необычайно ярко. В какие-нибудь две недели стает весь снег, вырастает трава, на деревьях — листья, налетает масса всякой птицы.

Таков внешний, общий облик природы Финмаркена.

Климат Финмаркена очень неровен. В то время как в частях его, удаленных от моря, замерзает ртуть, на прибрежных температура редко падает ниже 15 градусов.

Путешественникам, перебирающимся на оленях из Альтен-фиорда внутрь, в селение Каутокейно, нередко ясною морозною ночью приходится наблюдать величественное северное сияние и в то же время вспышки молнии и раскаты грома, доносящегося со стороны океана, где свирепствует шторм.

В горах тоже случаются жестокие бури. На дороге из Альтена в Каутокейно есть перевал «Бискада». Бывало, что лопари, доставляющие почту, в продолжение двух месяцев не решались переправиться через него. Если такая буря застает в дороге, лопарь тотчас выбирает место, где не может образоваться сугроб, т. е. на самом ветру, распрягает оленей, привязывает их к камню, а сам с другими ложится под обернутые кереси, где и ожидает конца непогоды.

Так как главное богатство Финмаркена — рыба, то, естественно, что все почти население его расположилось на побережье. Заселение Финмаркена норвежцами началось приблизительно с XIII столетия. С XVIII века сюда стали переселяться из Финляндии финны, или, как их здесь зовут, «квены». Господствующим слоем населения являются, конечно, норвежцы. Это рыбаки, матросы, штурманы, капитаны — все неустрашимые первоклассные моряки; затем — ремесленники, торговцы, чиновники и т. п. Следующее место по степени культурности занимают квены, также по преимуществу рыбаки. Наконец, третья группа — лопари, между которыми различаются горные, или оленеводы; морские, или рыболовы, и речные, занимающиеся как ловлею рыбы в реках, так и скотоводством, охотою, извозом и другими промыслами.

Живут здесь одиноко, разбросанно. Деревянные домики норвежцев и зажиточных лопарей и полутемные, сырые землянки бедняков разбросаны по берегам всех фиордов, по одному, по два жилья. Только там, где возвышаются хоромы купца, собирается вокруг них десяток-другой домишек, расположенных без всякого порядка. Купцы, всегда почти норвежцы, пользуются громадным влиянием на население, которое имеет в лице их единственных почти работодателей, сбывает им пойманную рыбу и получает от них все необходимое.

Другой рынок сбыта — шкуны поморов, которые каждое лето приплывают сюда из России и заходят во все фиорды, ведя обменную торговлю; давая здешнему населению муку и получая рыбу.

Ярмарки, имевшие когда-то очень большое значение для края, теперь упали; только одна из них, Боссэкопская, еще и в настоящее время собирает много народу.

Местечко Боссэкоп расположено на берегу Альтен-фиорда. Ярмарка бывает два раза в год: в марте и декабре. К этому времени сюда стекается народ не только из Финмаркена, но и из шведской и финляндской Лапландии. Оленеводы везут сюда оленину, шкуры, куропаток и т. п., а увозят к себе муку, ткани, табак, ром, железные изделия и многое другое.

Иногда скупщики оленины сами отправляются в горы, покупают там оленей, гонят их к берегу, здесь убивают и отправляют морем в Христианию и за границу.

Олень и его потребности

Олень, или, по-лопарски, «ботсу», как по внешнему виду, так и по характеру вполне может быть назван животным аристократическим. Оно очень чутко, пугливо, обладает изумительною быстротою бега, но скоро устает; его фигура, движения всегда изящны и грациозны, особенно во время бега, когда олень легко несется по горам, гордо подняв голову с огромными ветвистыми рогами, свободно перепрыгивая через ручьи и рытвины и с

быстротою молнии взбираясь на очень высокие и крутые горы. Окраска шерсти оленя различна: большей частью она сера; у очень молодых — от 2 до 12 месяцев — она темно-коричневого, почти черного цвета, очень нежна, мягка, и шкуры оленей, зарезанных в этом возрасте ценятся дороже всего; не менее красив и ценен белый мех, который у молодых оленей часто в яркости и чистоте белизны не уступает снегу. Вообще же можно сказать, что окраска оленя одинакова с окраскою окружающей его природы — серых скал, серого и коричневого мха, а ветвистые рога издали легко принять за полярную березу, больше похожую на куст, чем на дерево.

Олени меняют свои рога ежегодно. Самцы теряют их обыкновенно в середине ноября, бесплодные самки — в марте и апреле, а беременные — в мае, дней через 10-12 после отеления, вполне же вырастают новые рога уже в конце августа. Наибольшей величины и развития достигают рога у самцов в семилетнем возрасте, у самок — в четырехлетнем, причем число отростков иногда превышает 60 при весе рога в 18 кг. Лопари утверждают, что олень чувствует красоту своих рогов, гордится ими и заботится о них. В подтверждение своих слов они указывают на то, что многие олени в свободные от еды часы, когда они бывают сыты, подолгу и старательно скоблят и трут задними ногами одни и те же места на рогах, на которых, скоро появляются отростки. Если же нога оленя повреждена, то он пользуется кустами и деревьями, усердно растирая о них рог, но в этом случае соответствующий больной ноге рог во многом уступает другому рогу, за которым олень может свободно ухаживать. Та же разница в красоте рогов наблюдается и при слепоте одного из глаз. Однако существует мнение, что олень натирает именно те места, из которых отросток должен был бы и сам вырасти, тем более что все части рогов оленю видны. Явление это, может быть, аналогично прорезыванию зубов у детей и вызывает такой же, как у последних, зуд. Для таких, особенно ухаживающих за собой оленей у лопарей существует особое слово — «tsjorvides dakkat» — «отдельватель рога». Если испуганный олень начал отделять рога, то это признак, что он успокоился. Иногда попадаются олени (обыкновенно самки), которые от природы имеют только один рог. Лопари зовут таких оленей «abmel goalla» — «олень, от природы совершенно лишенный рогов».

Олень-самец больше самки, мясо же и шкура их одинакового достоинства. Каждый оленевод, конечно, стремится иметь возможно больше самок, так как они увеличивают стадо: одна самка в пять лет может дать пять оленей (иногда больше, иногда меньше), из которых старшая самка в это пятилетие приносит четыре, следующая три, еще следующая два оленя, и, родившаяся в последний, пятый год, ничего не дает; таким образом, всего одна самка в пять лет приносит пятнадцать оленей.

Числа самцов, самок и оленят в стаде соотносятся между собою приблизительно как 4:10:10. Так, в стаде голов в 250 самцов 30-40, самок около 100 и остальные оленята.

Период беременности длится 33 недели. Приплод появляется обыкновенно в мае месяце, период же спаривания бывает приблизительно в сентябре. В это время самцы бывают чрезвычайно возбужденны. Из них всегда выделяются один-два, иногда больше, отличающихся наибольшею силою, которые присваивают себе исключительное право на самок, не допуская к ним более слабых самцов. Последние в таком случае принуждены держаться вдалеке, тогда как один какой-нибудь самец все время находится в движении, ловя самок и оглашая воздух своеобразным грудным звуком. Такой сильный самец по-лопарски называется «aidnavalddo», отгоняемые же от самок олени зовутся «sarak».

Время отеления самок — май месяц, или, по-лопарски, «miesse manno», т. е. «месяц отеления» — есть страдная пора оленеводов, захватывающая их обыкновенно в период движения к летней стоянке у моря. Когда эта пора настает, лопари отделяют беременных самок от самцов и небеременных, последних угоняют дальше, а для первых выбирают защищенные от ветра места, где самки спокойно могли бы отелиться. Оленеводы стараются предоставлять самкам из году в год одни и те же места, т. к. они новые места не любят и всегда стремятся попасть ко дню родов на старое место. Только что родившая олененка мать редко бывает с ним ласкова, особенно, если самка молода и рождает в первый раз. Обыкновенное явление, что такая мать тотчас после родов бросает олененка на произвол судьбы, и сама присоединяется к своей собственной матери, но так как это грозит олененку смертью, как от холода, так и от голода, то в таком случае лопари берут на себя образумление матери. Они ловят ее, связывают и или дают олененку самому сосать молоко матери, или лопари сами доят самку, набирают молоко себе в рот и впрыскивают его в рот олененка. Затем кто-нибудь из людей проводит рукой по шерсти олененка и после этого по рту и носу матери, чем передается ей запах ее детища, в ней просыпается материнская любовь, и она с этого времени с ним не расстанется. Олененок следует за своей матерью нередко 3, а то и 4 года, иногда сам имея олененка. Таким образом получается семья из бабушки, дочери и внука или внука.

Новорожденные олени крепнут быстро: дня через три после появления на свет они уже настолько сильны, что оленевод собирается и опять движется дальше, к берегу, гоня перед собою стадо матерей с новорожденными.

Как в ходу, так и во время пастбы, стадо держится обыкновенно вместе, но всегда находятся олени, чаще всего старые самцы, которые предпочитают удалиться от стада и по одному, по два пробираться пустынными местами, лишь позднее присоединяясь к каким-нибудь оленям. В то же время существуют животные и другого характера, стремящиеся находится постоянно внутри стада. Наиболее дикие и малоприрученные олени держатся в стороне и отличаются большою, сравнительно с другими, быстротою бегу. Такие полудикие олени не подпускают к себе близко человека, и поймать их, даже с помощью лассо, очень трудно. Зато они прекрасные ездовые олени — «hsergge». Некоторые же настолько бывают ручны, что к ним можно подходить почти вплотную.

Все кочевники метят оленей, вырезая определенным образом часть ушей и свои инициалы на боку, в последнем случае только шерсть, в первом — самое ухо. Метки эти отличаются большим разнообразием и в прежние времена вырезывались на всех вещах как знак собственности. Одна фамилия вырезывает клин из вершины уха, другая — с одной стороны его, третья — с другой; иногда конец уха срезывается ровно, иногда эти значки комбинируются всевозможным образом.

Когда в семье оленевода рождается ребенок, то ему тотчас дарится один олень, и он метится особым знаком, представляющим вариант основного семейного знака. Несмотря на столь незначительные различия, лопари никогда не ошибаются в определении, свой это олень или чужой. Особенно ярко это сказывается во время так называемого «gathkem», т. е. разделения стада, составленного из нескольких стад. Такое разделение практикуется оленеводами иногда на время движения к зимней стоянке от моря — для удобства, так как в

этом случае легче управляться со стадом. И вот осенью, когда нужно разделяться, вся масса оленей, иногда несколько тысяч, пригоняется на какое-нибудь ровное место, лучше всего на замерзшее, покрытое снегом озеро, и здесь начинается чрезвычайное оживление и беготня. Члены каждой фамилии ловят своих оленей и отводят их в свою сторону, где их стерегут и держат вместе пастухи с собаками. Все время в воздухе свистят арканы, схватывая убегающих оленей, преследуемых яростным звонким лаем собак; разгоряченные и возбужденные оленеводы изо всех сил тянут прыгающих и выделывающих неопишеские па оленей в свою сторону, здесь освобождают из петли их рога и отдают собакам, после чего насмерть перепуганное животное молнией устремляется к куче своих оленей и тотчас скрывается в ее середине, куда собаки не смогут проникнуть, не рискуя быть помятыми, а то и убитыми; лопарь же бежит опять к смешанному стаду, безошибочно намечает своего оленя по меткам, опять ловит его и стремительно, вертясь и кружась с танцующими животными, бежит в свою сторону. Вместе с не умолкающим лаем десятка-другого собак в воздухе гремят пронзительные окрики и крики лопарей, то яростно ругающих упирающихся оленей чертями — «бергала», то, отгоняя увлекающихся собак, норовящих схватить пойманное животное сзади зубами. Иногда эти крики переходят в настоящий вопль, особенно, если уже пойманный олень вдруг вырвется и убежит опять к смешанному стаду, к которому он уже успел привыкнуть и с которым не хочет расставаться.

Разделение это длится нередко день, а то и два. Некоторые оленеводы перед разделением загоняют все стадо в специально огороженное плетнем пространство — «ботсукареты», устраиваемое обыкновенно в горах, что значительно облегчает работу. Когда каждая семья выделит своих оленей, то стада мирно расходятся в разные стороны, гонимые своими пастухами и собаками.

Метят оленей в возрасте 6–9 месяцев. Выбрав еще не меченого олененка, лопарь осторожно к нему подкрадывается, улавливает момент и ловко набрасывает на рога аркан. Испуганный олененок вместе со своей матерью стремглав бросаются прочь, петля крепко стягивает рога, длинный аркан натягивается, как струна, и животное прилагает все усилия, чтобы вырваться, делая отчаянные прыжки, в одно время и необычайно замысловатые, и грациозные, и смешные. Но лопарь проворно набирает обеими руками аркан, приблизившись к животному схватывает его за рога, валит на землю и, держа за рога, вырезывает на боку инициалы, но так, что нож кожи не касается, и затем метит уши. Мать же олененка в это время беспокойно бегаёт кругом, то останавливаясь на минуту, то описывая круги и издавая тревожные звуки. Окончив операцию, лопарь выпускает олененка, и тот моментально скрывается с матерью в стаде. Мечение производится обыкновенно летом, так как в это время раны скоро высыхают и заживают.

Потребностями оленя определяется вся жизнь оленевода. Главная и самая любимая, а зимой и единственная пища оленя — мох *Lichen rangiferinus*; летом он охотно ест свежую сочную траву, окаймляющую многочисленные горные озера, пощипывает листву маленьких, крючками пригибающихся к земле березок. Если бы олень летом не ел травы, мха скоро не хватило бы для всех оленей Финмаркена.

Отыскивание корма и заставляет оленевода передвигаться с места на место; вторая, не столь существенная причина перекочевок — комары, заполняющие летом весь внутренний Финмаркен и почти отсутствующие у побережья: здесь их разгоняет ветер. Наконец, третья

причина та, что многие оленеводы в свободное время занимаются рыбной ловлей, что разнообразит их пищу и вообще служит некоторым подспорьем. Если кочевник владеет менее 200–300 оленями, он уже вынужден поддерживать себя рыбной ловлей, охотой и извозом.

На зиму лопарь перебирается на юг Финмаркена, к финляндской границе, так как горы северной половины выпяты гор южной половины: во-первых, зимою свирепствуют бешеные метели, и ветер так уплотняет снег, что оленю не добраться до мха. Да и человеку плохо: при малейшем ветре дым еле выходит из шалаша, а при сильном нередко разносит все жилье; не помогает даже камень, подвешиваемый к «suovva puotta» («дымовому дровку»).

Зато на юге, особенно в восточной, лесистой, принадлежащей оленеводам из Карашока, части юга, кочевник чувствует себя превосходно. В лесу тихо, снег пушист и раскидист — оленю нетрудно добыть мох, даже если снег глубок. Бывает, что маленький олененок весь зарывается в снег, скребя мох мелкими белыми зубами; виднеется только шерстистая спина, да концы рожек шевелятся, торча из сугроба. Человеку тоже теплее и спокойнее в лесу.

Кочевание оленеводов совершается вполне установившимся, определенным образом, и давно уже прошло то время, когда у лопаря была полная свобода двигаться со своими оленями, куда ему вздумается. Теперь все поделено, все помечено. Из года в год зимует он на одном и том же месте, где-нибудь у финляндской границы, на берегу Анари-йокки, т. е. Таны, в сосновом лесу — если оленевод из Карашока, или просто среди голых гор — если он из Каутокейно, так как в округе этого селения нет лесов. Путь, соединяющий летнюю стоянку с зимней, никогда не меняется. Очень часто случается, что после дневного перехода останавливаются на ночь на том же месте, на котором стояли и в прошлом году, пользуются прошлогодними остатками дров, прошлогодним очагом. Таким образом, у каждого оленевода есть свои определенные пастбища, летние и зимние, за пределы которых он не смеет перейти со стадами, не рискуя быть вызванным на «тинг», т. е. на выездную сессию суда в Карашок или Каутокейно.

Приблизительно в апреле начинают оленеводы перебираться к океану. Двигутся с разною скоростью: одни достигают летних кочевий недели через две, другие — месяца через два после отправления. Расстояния, которые нужно пройти, различны: в среднем 200–300 км. Иногда приходится стоять на одном месте по несколько суток, ожидая прекращения метели, ремонтируя поврежденные кереси, давая отдых себе и оленям, которые при непрерывном движении не успевают досыта наедаться: днем на ходу удается очень немного уцпипнуть, ночи же недостаточны. Много времени тратится на уход за самками во время их отеления.

Днем при передвижении, впереди гонится стадо, направляемое лопарем на лыжах и собакою, а если стадо большое, то и двумя пастухами с двумя собаками. Интересное и полное оживления зрелище представляет из себя стадо в движении: большая часть животных держится вместе, торопливо пощипывая на ходу мох; некоторые из них поднимают на мгновение голову, втягивают в себя воздух и опять наклоняются к земле; другие, едва отделившиеся от стада, замечаются пастухами и собаками, из которых одна бросается по указанию лопаря на оленя, и этот с разгону врезывается в стадо. Олень бежит мягко, и когда стадо пробегает через снег, то кажется, что сквозь него проносится буйный ветер. Попадется спуск с крутой горы, — и олени, сопровождаемые тьявканием псов и криками лопарей, массою, легко и грациозно, сбегают вниз, прыгая через рвы и потоки. За стадом длинною змейкой ползет обоз в сопровождении остальных членов лопарского семейства, состоящий в среднем

из 15–20 сильных оленей со столькими же кересями. Если стадо почему-нибудь свернет в сторону, или очутится позади обоза, то упряжные олени начинают беспокоиться, поворачивать к стаду, назад, и в таком случае приходится вести их силою; животные упираются очень энергично, выводят лопарей из терпения, и те начинают ругать оленей чертями — «бергала», стегать поводом и дергать вперед. Если в конце концов олень и уступает, то все-таки поминутно с сожалением поглядывает в сторону стада, да нет-нет и сделает попытку повернуть к нему.

Изредка обоз останавливается, чтобы дать оленям пощипать мха, до которого они добираются, откопав снег копытом, поесть снега; если в таборе есть грудные дети, то чтобы покормить их; для этого мать становится на колени перед кересью, где в кожаной, приспособленной для ношения за спиной, колыбельке лежит ребенок, укутанный в меха, наклоняется грудью над ним и кормит его; затем опять трогаются в путь, пока не стемнеет или не доберутся до удобной стоянки.

В этом случае, если еще светло, к остановившемуся, едущему впереди вереницы кересей, главе табора подъезжают задние, не спеша вылезают из кересей, отряхивают снег с шуб, обуви, и так же спокойно начинают совещаться: ехать дальше, или здесь остановиться. Одни из совещающихся, наиболее уставшие, приводят доводы в пользу остановки на этом месте, другие перечисляют преимущества следующей стоянки: там больше горючего материала, нет ветра, речка течет поблизости...

Решив остановиться, распрягают оленей, которые тотчас присоединяются к стаду, достают из кересей части разобранного шалаша, составляют его; другие в это время собирают топливо, главным образом из мелкого кустарника, и через несколько минут в шалаше пылает уже веселый огонь, над ним согревается кофейник, кругом согреваются усталые, озябшие люди, протянув к пламени руки и отвернув лицо; к огню же жмутся и собаки, тоже отстраняя умные, острые мордочки и недовольно отодвигаясь назад, если пламя слишком разгорится, или смолистые ветки с треском станут выбрасывать в стороны искры.

После ужина, состоящего всегда из «сухпья», одна из женщин отправляется пасти оленей, а остальные ложатся спать.

Летние кочевья некоторых лопарей находятся на островах; докочевав до пролива, разделяющего остров с материком, оленевод перевозит оленей в лодках со связанными ногами; осенью же олени сами переплывают пролив, так как оленята к этому времени делаются достаточно сильными.

Случалось, что во время переправы подымался шторм, испуганные животные рвали путы, прыгали в воду и тонули.

Не менее страшны и зимние метели. Так, например, с одного утеса в восточном Финмаркене, во время бурана, слетело вниз и разбилось 150 оленей, а пастушка замерзла.

Пасти оленей немыслимо без собаки — «пэна». Поэтому каждый член семьи, мужчина или женщина, имеет свою отдельную собаку, с которой и работает.

Лопарские собаки невелики; от холода защищены прекрасною густою и длинною шерстью; морда острая, с парюю вечно настороженных, острых ушей. Имена собакам даются в зависимости от цвета шерсти; так например, собака с белыми и черными пятнами называется «girjes», очень большая собака — «hortte», «benne» — малая собака, «musste» — черная собака и т. п. Учить собак начинают приблизительно на шестом месяце. Когда хотят, чтобы собака

гнала оленей, ей говорят или «цо», или произносят ее имя, или просто указывают рукою на оленей; отзывая обратно, кричат ей: «Озэра!»

В какой-нибудь месяц дрессировка оканчивается, и пэна работает наравне с хозяином: высунув язык от усталости, бросается она с громким лаем во все стороны, пригоняя отставших оленей к стаду, не давая ему разбрестись во все стороны.

Если пэна умная, работает хорошо, лопарь нередко обращается с нею лучше, чем со старухой-матерью: кладет ее около себя спать, ласкает, уделяет часть из своей пищи. В шалаше собаки чувствуют себя очень свободно, занимают места, не стесняясь присутствия человека, прыгают через людей, спят нередко рядом с головою лопаря — вообще являются настоящими членами семьи.

Зарезав оленя, кочевник дает собаке свежее мясо, внутренности; если он удаляется от убитого животного, то собака остается стеречь и никого не подпускает к нему, кроме хозяина.

Раз в сутки собакам варится похлебка из крови оленя, муки и воды — «варра-лепма», причем едят ее собаки из того же котла, что и люди; ими мало брезгуют. Кровь для варралепма хранится всегда в оленьем желудке, перекинутом через поперечину над очагом в шалаше и свешивающемся по обе ее стороны полными пузырями.

Но вот прослужила собака верою и правдою десяток-другой лет, состарилась, ослабела, не поглядывает вопросительно на хозяина, ожидая знака броситься с лаем на оленей, — и лопарь берет крепкую веревку, отзывая старого товарища подальше от стоянки, выбирает деревцо покрепче, привязывает к нему один конец веревки, посреди ее устранивает петлю, в петлю просовывает голову собаки, и затем, хорошенько потянув за свободный конец, удавливает ее.

Случалось, что некрепкая веревка рвалась, и тогда собака яростно бросалась на хозяина, искусывала его и убегала.

Если остальные псы услышат хрипение или визг удавливаемого товарища, то они сворою бросаются на него и злобно грызут.

Шкура снимается, и ею устилают «кетку» — кожаную колыбельку; шкура эта очень тепла и мягка. Старость собаки выражается в ослаблении ног, зрения. Иногда во время пастьбы в довольно светлые ночи дает пастух такой собаке знак гнать оленей, и пес вместо оленей бросается с лаем на куст, принимая его за рога. Убедившись в своей ошибке, собака с унылым и виноватым видом возвращается к хозяину, жалобно тихо повизгивая. Пастух опять посылает сконфуженного пса на оленей, но тот уже или вовсе не слушается, или тявкает несколько раз для виду и возвратится тотчас обратно, не ожидая обычного возгласа.

Оленей пасут в две смены: днем — мужчины, ночью — женщины; стадо два раза в сутки пригоняют к стоянке — шалашам (кочуют обыкновенно вместе две-три семьи, братьев, например) — и два раза угоняют.

С ночной пастьбы олени возвращаются утром. Еще издали доносится лай собаки вместе с пронзительным криком лопарки, поддерживающей ее рвение в преследовании животных, звон колокольцев и все растуший шум от сотен копыт и грудей, испускающих «ах» и «ох» — единственный звук, издаваемый оленем. Еще несколько минут — и оживленное стадо окружает шалаш, а пропитанные свежестью ветра и гор пастушка и собака просовываются через узкий вход в шалаш. Та и другая устали и голодны; первая пьет горячий кофе, а вторая

старательно обнюхивает все углы, отыскивая что-нибудь съедобное, пока будет готова похлебка.

Стадо же, успев за ночь наесться досыта, от мала до велика укладывается около шалашей и жует жвачку.

Часа через два-три стадо уже опять на ногах — признак голода, — и тот из мужчин, которого очередь идти, берет палку, лассо, кличет собаку и начинает понемногу отгонять оленей от стоянки; зимою — на лыжах.

Обязанность пастуха заключается в недопущении разброда стада в разные стороны и в охране его от волков и воров — своих же братьев-оленеводов; стадо само находит лучшее пастбище, его не нужно гнать в определенную сторону; лопарю принадлежит, так сказать, лишь верховное руководство.

Только кочевник, от рождения до смерти живущий нераздельно с природою, может вынести такие лишения и не теряться в таких обстоятельствах, которые другого человека поставили бы в тупик. Олень — животное необычайно пугливое, и иногда достаточно бывает какого-нибудь пустяка, чтобы обратить в паническое бегство все стадо. Автору настоящего очерка самому пришлось быть свидетелем двух таких случаев.

Один раз от стада во время его пастбы отстал молодой олень. На беду ветер дул против движения стада, а так как волк подходит к стаду всегда против ветра, то олени, услышав сзади себя скорый бег олененка, который заметил, что он отстал и бросился догонять остальных животных, приняли его за волка и ринулись вперед. Олененок еще скорее побежал, но и стадо понеслось быстрее; олененок полетел, напрягая все свои силы, но и стадо полетело как ветер. Лопарь-пастух с собаками опроретью бросился по следам, стараясь не потерять стада и пустив псов в обход его, чтобы задержать. Заметив, что стадо описывает кривую, лопарь переменил направление и поспешил наперерез по кратчайшей линии. Больше получаса со всех ног бежал лопарь, несмотря на тяжесть и мешковатость своей одежды, не сбавляя бега, и когда он наконец приблизился к стаду, то оказалось, что оно заметило вдруг свою ошибку, как вкопанное остановилось всей своей компактною массою на одном месте и с изумлением глядело на подскакивающего олененка, причем головы всех животных были обращены к нему. Олененок же крупною рысью врезался в середину стада и присоединился к своей матери. Тогда стадо мирно направилось обратно.

В другой раз лопарь взял с собою кроме старой и выученной собаки еще и молодую, держа ее на шнурке. Как-то нечаянно шнурок выскользнул из его руки, и обрадованный пес кинулся на стадо. Собака эта была большого размера, и оленям в ней почудился волк. Вихрем бросились животные в сторону, по горам, за ними вытянулся пес, оглашая горы веселым, раскатистым лаем, а за псом полетел лопарь, неистово крича на собаку и напрасно отзывая ее назад. Между тем стадо неслось все дальше, и видно было, как оно пронеслось по дальней горе, как проносится по полю тень летящего облака. Лопарю опять пришлось угадывать путь, по которому олени должны пробежать, и спешить туда кратчайшим путем. И действительно: через некоторое время лопарь был уже у стада, которое неподвижно стояло на месте, внимательно оглядывая молодую собаку, лаявшую уже очень нерешительно и натянуто и виновато махавшую хозяину опущенным хвостом.

Помимо трудностей, проистекающих из пугливости и чуткости оленей, немало неудобства представляют и особенности северной природы. Зимние метели отличаются

иногда такую силою, что не только нет возможности уследить за стадом, но не хватает сил даже удержаться самому на ногах. В безлунные осенние ночи, когда северное сияние еще не появляется, и небо так часто завлакивается тяжелыми клубами темных облаков, в эти ночи бывает так темно, что невозможно различить конец своей собственной руки, видеть камни и рытвины под ногами, и вся местность кажется потонувшей в непроходимой тьме. Больше чутьем да по шуму узнает лопарь, где олени отделяются от стада, и посылает туда собаку. Так же чутьем находит он обратный путь к шалашам, когда стадо, насытившись, укладывается жевать жвачку, но это удается им лишь у стоянки. Темнота эта бывает настолько густа, что иногда и лопарь начинает колебаться и тревожиться, куда идти, не рыскает ли поблизости волк? Напряженно вглядывается кочевник в темноту, жадно ловит все звуки ночи: не послышится ли лай оставшихся у шалашей собак, не раздастся ли окрик человека, не прожурчит ли знакомая речка? И вот иногда где-то далеко-далеко блеснет из мрака огонек, другой раз, третий — и у пастуха отлегает от сердца: теперь он знает, куда двигаться, знает, где он теперь находится и уже не собьется с пути. Сверкнувший огонек — это знак, подаваемый сидящими в шалаше лопарями: они приподымают нижний край шалаша, и всегда поддерживаемый в нем веселый огонь приветливо светит блуждающему в темноте стаду с пастухом. Через некоторое время шумное стадо окружает стоянку, и в шалаш вместе с собаками просовывается усталый, голодный и пахнувший ветром пастух.

Трудно сказать, кто больше вреда приносит оленеводу — волк или вор-олeneвод. Из стада голов в 400 волк в год зарезывает в среднем штук 20, но бывали случаи, когда он в одну ночь перекусывает горло 60 оленям.

С другой стороны, один лопарь ухитрился угнать ночью к себе 150 голов из тысячного стада и всех их перерезать. Правда, в этом случае вор был обнаружен, принужден был возместить все убытки потерпевшего и посажен в «Академию» (так оленеводы называют тюрьму в Тронхейме, где они «расширяют свой кругозор»), но в массе случаев о воре только догадываются, и потерпевший мстит тою же монетой, т. е. воровством же.

Если волку удастся ворваться в стадо, то оно рассыпается во все стороны и отдельными небольшими группами уходит на много километров в сторону, смешиваясь со стадами других оленеводов. Предстоит громадная работа: нужно узнать, к кому попали олени, отделить их; если есть снег, то по следам нетрудно отыскать пропавших животных, в противном случае это очень затруднительно, так как рассчитывать на честность и бескорыстие соседей ни в коем случае нельзя.

Если же стадо вовремя почует врага, то оно роем бросается убежать, в короткое время пролетая громадное пространство. В конце концов волк все-таки догоняет, если только лопарям не удастся отрезать его от стада. Это бывает возможно зимою, на лыжах.

Лишь только в таборе раздалось «кумпе ле ботеу», т. е. «волк за стадом», как уже несколько человек скользят на лыжах в погоню за кумпе, расстояние между ним и людьми все сокращается, и наконец, передний, догнав его, на полном ходу ударяет хищника по хребту палкою, и волк лежит беспомощно с перебитою спиною, оглядывая собравшихся кругом лопарей.

Зачастую волк делает свое ночное дело втихомолку, ограничиваясь только одним, неосторожно отделившимся от стада, оленем. Насытившись, он имеет обыкновение завывать над останками животного. И если стоянка недалеко, лопари сидят в то время в чуме у костра

молча, спокойно попыхивая из трубочек да сплевывая в огонь, то донесшийся вой сразу смахивает с их лица спокойствие и невозмутимость, они начинают хмуриться, тревожно прислушиваться. Женщины с плачем высекаивают из шалаша и начинают пронзительно кричать, надеясь этим испугать кумпе.

Пасущиеся же в горах олени, услышав донесшийся из темноты вой, испуганно скучиваются вместе, перестают есть мох и тревожно прислушиваются, повернув головы в сторону воя и чутко насторожив уши. Собака тоже жметя к ногам пастуха, дрожа и тихо повизгивая.

Двигаясь на другой день дальше, обоз наткнется на обглоданные кости, изорванную шкуру, соберется около группа мужчин и женщин, постоит опершись о палки, посудит, и опять каждый воротится на свое место, и обоз змейкой поползет с горы на гору.

Если шкура не очень изорванна, то ее берут с собою.

Убой оленя. Когда лопарю нужно зарезать оленя, он набирает в руки аркан («суохпан») и начинает высматривать в стаде подходящего: если для мяса, то пожирнее, если для шкуры, то с наиболее теплым или красивым мехом; выбрав, лопарь осторожно приближается к животному и в последнее мгновение, когда оно начинает беспокоиться, забрасывает аркан, свистящей змейкой вылетающий из его рук. Костяное колечко, при помощи которого образуется петля, живо скользит по выплаженному шнуру, петля быстро суживается, падает на рога, и олень пойман.

Иногда случаются промахи, приходится вторично подкрадываться к испуганному животному. Если же петля попала на место, то олень, если он очень пуглив или молод, начинает отчаянно вырываться, прыгая и заставляя бегать за собою хозяина. Этот энергично собирает аркан опять в кольцо и, по мере сокращения расстояния между человеком и животным, последнее все сильнее и отчаяннее выбивается, насмерть перепуганное яростным лаем собак, норовящих как-нибудь схватить оленя зубами и не менее яростным криком возбужденного борьбою лопаря, отгоняющего этим криком собак.

Ловким, привычным движением, схватывает оленевод концы рогов, сразу повертывает их влево, как повертывают вверх дном тачку, высыпая из нее груз на сторону, — и олень лежит на боку с прижатыми к земле рогами и поднятою вверх головою. В таком положении он совершенно беспомощен.

Спокойно нащупав сердце, лопарь приставляет к груди нож и, держа рукою его рукоятку, правою сильно по ней ударяет. Несколько мгновений животное совершенно не двигается, как бы не понимая совершившегося, но вдруг, поняв, начинает судорожно бить воздух ногами, задыхаться. Случается, что нож короток, или прошел мимо сердца, тогда лопарь долго ворочает ножом в ране, мучая животное. Многие, конечно, стараются устроить скорую смерть, но многие об этом совсем не думают и еще у живого оленя отрубают ножом ноги, рога, сдирают шкуру.

В последнее время норвежцы изобрели патроны, моментально убивающие оленя, но они не распространены, так как стоят денег и, кроме того, вызывают прилив к голове крови, что отзывается на вкусе мяса.

Убедившись в смерти животного, лопарь вынимает из груди его нож, разрезает горло и перевязывает в нем сосуд, проводящий к голове кровь. Сделав это, отрубают рога, ноги, сдирают шкуру, распарывает брюхо, достает внутренности. Желудок, наполненный кровью, вешается

всегда в шалап на «suovva tuogta» — дымовое древко, на конце его, противоположном входу; здесь же кладется и мясо; впрочем, чаще оно хранится снаружи, подвешенное к сходящимся концам жердей, воткнутых наклонно в землю.

Физические особенности лопарей

Взгляды и показания очень многих путешественников по Лапландии отличаются разнообразием и нередко крайне противоречивы. Таковы, например, сведения, даваемые относительно волос: одни исследователи утверждают, что волосы у лопарей черные, другие — что они светлые, а третьи отрицают и то, и другое, утверждая, что все лопари шатены. Точно таким же образом расходятся мнения и относительно живучести лопарского племени: одни констатируют его вырождаемость, другие, наоборот, — обилие детей и их хороший рост. Подобная противоречивость и неопределенность наблюдается в разрешении и других вопросов антропологии лопарей. Где же причина этого явления? Их, вероятно, много, но главнейшими, можно думать, являются, во-первых, несистематичность наблюдений, отведение в них слишком большого значения случаю и, во-вторых, перенесение признаков и черт одной какой-нибудь группы лопарей на все их племя.

Разбросанные по громадному пространству, живущие попеременно со скандинавами, финляндцами и русскими, лопари неизбежно вступают в тесные сношения с господствующим народом, рождаются с ним и этим сглаживают и иногда совершенно уничтожают свои антропологические признаки, в то время как признаки чужие проявляются все яснее и ярче. Естественно, что лопари скандинавские приобретают черты скандинавов, финляндские — финляндцев, русские — русских. Но это слияние с господствующим народом идет далеко не равномерно, далеко не одинаково между разными категориями лопарей среди одного и того же господствующего народа: в то время как оседлые лопари, не только соприкасаясь с вкрапленными в них скандинавами, финляндцами и русскими в торговых сделках, но и вступая с ними в тесные родственные связи, сравнительно быстро теряют одну за другой свои антропологические и этнографические черты и проходят путь, отделяющий их от полного слияния с высшею расою, в это время кочевники, живущие замкнутой, более самостоятельной и свободной жизнью, остаются далеко позади осевших соплеменников, в силу условий этой кочевой жизни избегая брачных уз с представителями чужих групп, не приспособленных к тяжелому, исполненному всевозможных лишений и требующему особой закалки существованию.

На этом основании кочевников из Каутокейно и Карашока можно считать за наиболее чистых и ярких представителей лопарского племени в пределах Финмаркена и бассейна озера Эваре (финляндская Лапландия), а поэтому все, что говорится ниже об антропологических особенностях лопарей, относится главным образом к этой группе их.

Достаточно бросить один беглый взгляд на кочевника, чтобы признать в нем человека низшей расы, низкого племени, человека примитивной, почти первобытной культуры. Прежде всего бросается в глаза низкорослость, в отношении которой лопари занимают одно из последних мест в ряду народов земного шара. Впечатление это особенно усиливается контрастом, получающимся при сравнении их со стройными, очень высокими скандинавами, в стране которых живет огромное большинство лопарей. Волосы, большею частью темно-русые, реже черные и светло-русые, густотою никогда не отличаются, не расчесываются и

редкими, слившимися прядями, всегда почти прямыми и жесткими, спускаются кругом головы, нередко закрывая широкий и невысокий лоб. Лысых встречается очень немного, седых же совершенно нет. Замечается только легкая, малозаметная проседь. Серые с косым разрезом глаза смотрят себе на уме, иногда подозрительно и несколько испуганно, уклончиво бегая по сторонам; иногда в них читается большая хитрость, практическая сметка. Небольшой, приплюснутый нос кажется особенно маленьким по сравнению с широким скуластым лицом. Толстые губы полуоткрыты, и из-за них выглядывают два ряда крепких зубов. Усы и борода растут крайне плохо. Кожа на лице несколько смугла. Несмотря на короткие ноги и иногда кривизну, шаг лопаря широк и строен. Походка неровная, приседающая, с сильным раскачиванием направо и налево, точно идущего сильно давит к земле мешкообразная, тяжеловесная зимняя одежда. Женщины пониже ростом; волосы тоже редки; цвет лица чуть светлее, в выражении глаз больше добродушия и меньше беспокойной подозрительности. Особенно поражает у женщин непропорционально малая, по сравнению с длиной туловища, длина ног, что особенно резко бросается в глаза при ходьбе.

Можно предположить, что смуглость лица является не только расовым признаком, но и результатом влияния солнца и ветра, действие которых не может не сказаться на кочевнике, а также дыма и нечистоплотности. Огонь в шалаше поддерживается обыкновенно всегда, и дым, хотя бы в небольшом количестве, держится в нем постоянно, в ветреную же погоду он до того заполняет шалаш, что присутствующие должны припадать к земле, спасая глаза от нестерпимой боли. Такой дым, конечно, не может не повлиять на цвет лица. А так как умывает его лопарь только в исключительных случаях — перед отправлением на Рождество или Пасху в кирку, перед свадьбой или в других только особо торжественных случаях, — то естественно, что лицо его должно казаться более смуглым, чем есть на самом деле. Все же остальное тело, кроме кистей рук, обыкновенного светлого телесного цвета.

На непропорционально малую длину ног у женщин, вероятно, могло оказать известное влияние отсутствие постоянной ходьбы и способ сидения, особенно в детстве. Иногда по целым неделям женщины, и особенно девочки, сидят в шалаше, выходя лишь в случае крайней необходимости; по неделям сидят в кереси, передвигаясь с зимних кочевков на летние или обратно. Только когда девица достигнет совершеннолетия и окрепнет достаточно, чтобы пасти оленей, только тогда ей приходится иногда проходить довольно большие пространства. Сидят же они, обыкновенно, подобрав под себя ноги — по-турецки.

Неровная качающаяся походка лопаря вырабатывается, вероятно, как следствие скитаний по дикой, гористой местности, изобилующей каменистою и разрытою почвою. Плавности и ровности походки немало мешает тяжелая растопыренная одежда.

Так же обстановка и условия кочевой жизни, сила влияния которых на строение и развитие отдельных частей тела оказались столь значительными, — эти тяжелые и суровые условия до того приспособили к себе организм кочевника, что не только стали ему не страшны и не опасны, но даже сделались необходимы, и вне их номад хиреет и даже умирает. При самой низкой температуре, которая в Финмаркене падает нередко ниже 40 градусов по Реомюру, лопарь может совершенно спокойно засыпать на открытом воздухе, даже не в шалаше, зарываясь от ветра в снег и ловко прячась в просторную «песку» (оленью шубу).

С другой стороны, попав случайно в дом оседлого соплеменника, кочевник скоро начинает чувствовать головные боли и предпочитает спать на крыльце дома, хотя бы было очень холодно. Не менее приспособлены к климату и женщины. Неоднократно случалось, что лопарка в последней стадии беременности идет одна ночью пасти оленей, одна на морозе рождает ребенка, сунет его, голенького, за пазуху — между телом и «доркою» (нижняя рубашка), поест снега или, если есть, выпьет холодной воды и затем как ни в чем не бывало, гонит под утро стадо домой. Вернувшись к стоянке, мать сама рубит дрова, греет воду и моет ребенка. Если же в шалаше в то время окажется гость, роженица уступает ему свое всегдашнее место, а сама сидит у входа, где очень дует, через который то и дело снуют дети и собаки. Когда роды начинаются в шалаше, то с женою остается только муж, остальные же мужчины выходят.

Очень развито у оленеводов чувство местности. В самые ужасные метели, во время которых ветер валит с ног человека и летящий снежный хаос бывает столь густ, что не видно конца вытянутой руки, оленевод в такую погоду остается по-прежнему спокоен и уверен в себе, не теряется и или устраивается ожидать прекращения метели, или, если движется, то всегда по верному пути.

Физической силою в руках оленевод не отличается, но зато без отдыха может проходить и пробегать большие пространства. Способность эта развилась вследствие необходимости много ходить и бегать при пастьбе оленей, которые иногда уходят от шалашей довольно далеко: то в поисках корма, то чем-нибудь испуганные.

Зрение у кочевников достигает значительной остроты, но больные глаза — обыкновенное явление. Нестерпимо едкий дым в шалаше, ослепительно сверкающий весной снег и сильные ветры — вот причины столь часто встречающихся красных, воспаленных глаз. Некоторый вред в этом отношении причиняет, может быть, и нечистоплотность. Тела своего, за исключением лица, кочевники никогда не моют, и [если] оленеводу, зашедшему случайно в селение, кто-нибудь предложит помыться в финляндской бане, то он ответит, что ему это вредно, и откажется. Нечего и говорить, что одежда кочевников кишит вшами, но вся эта грязь серьезных кожных заболеваний, по-видимому, не вызывает, что можно объяснить, с одной стороны загромождением кожи, с другой — отсутствием белья: прямо на тело надевается шубка мехом к телу, и насекомым вследствие этого труднее сохраняться, чем меж складок белья. Но так как насекомые все-таки дают о себе знать, то против них некоторые меры принимаются. Если в семье кочевника есть дети лет до 5-6, то перед тем как ложиться спать мать снимает с них всю одежду, хотя бы стоял сорокаградусный мороз, и выбирает насекомых, а голенькие дети с кислыми гримасами и похныкиваниями жмутся к огню, обдуваемые холодным дыханием ветра, свободно проникающим в шалаш через дымовое отверстие вверху, через вход и значительные промежутки между землей и крышкой шалаша, — обычные проходы собак. Не одевает мать детей на это время, вероятно, для того, чтобы насекомые, оставшиеся на теле, «ссыпались», а также, может быть, и для того, чтобы закалить детей, приучить их к перенесению холода.

Реагирование взрослых на беспокойство, причиняемое насекомыми, выражается в почесывании, причем, если чешется спина, то пользуются специальной палочкою с крючком и зазубринами на конце, засовываемою в пространство меж шубою и телом; в последнее время палка эта употребляется все реже, заменяясь обыкновенным ножом, всегда висящем на поясе.

Если нельзя оленеводов назвать болезненными и хилыми, то было бы не меньшею ошибкою считать их обладающими цветущим здоровьем, хотя семидесятилетние старики и старухи встречаются довольно часто. Одной из самых распространенных болезней является туберкулез, который, появившись в какой-нибудь семье, уже не оставляет ее до тех пор, пока все члены ее не перемерут, так как никакие меры предосторожности против заражения, конечно, не принимаются. Заболевание сифилисом хотя и наблюдается, но далеко не в таком количестве, как, например, среди некоторых инородцев России; здесь это сравнительно редкое явление. Вероятно, вследствие чрезмерного употребления спиртных напитков и крепкого кофе, который пьют часто и помногу, нередко наблюдаются болезни сердца. Особенный интерес представляет нервность лопарей, нервность необычайно повышенная и общая всем группам. Болезненное и ярче всего она проявляется под влиянием испуга. Иногда достаточно искры, неожиданно вылетевшей с треском из огня, вскрика, раздавшегося среди тишины, даже неполной; достаточно иногда дотронуться до лопаря, чтобы с ним случилось вдруг что-то необыкновенное: лопарь забывает все, лицо его и глаза делаются безумными, изо рта выступает пена, забывшийся схватывает что попадает под руку — топор, полено и бросает им в виновника испуга, а придя через некоторое время в себя, ничего из случившегося не помнит. Особенно часто такие припадки случаются с женщинами. Яркий пример такого состояния наблюдался у одной лопарки, служившей прислугою у торговца на Паз-реке. Однажды эта лопарка мыла белье. Один из работников купца, желая пошутить, тихо подкрался сзади к прислуге и слегка хлопнул ее по спине рукою. Совершенно обезумевшая лопарка схватила лежавший подле топор и изо всей силы бросила в работника, но, промахнувшись, стала вдруг с истерическим плачем царапать лицо, рвать волосы, одежду, пока обессиленная, израненная и с пеною у рта не упала в глубоком обмороке на землю. Очнувшись, женщина ничего не помнила из того, что с нею было.

Другой случай рассказывает один русский доктор, которому пришлось как-то остановиться в «тупе» русского лопаря во время своей поездки по Лапландии. Увидев из окна летящее стадо гусей, один из сидевших в тупе громко вскрикнул: «Гуси летят!» Вскрик этот так подействовал на другого лопаря, что он выхватил из ножен нож и бросил его в товарища, но не попал, после чего истерически зарыдал и долго не мог успокоиться.

Необычайно сильно проявляется способность лопарей приходить в такое состояние во время собраний последователей секты Лестадиуса, к которым принадлежат почти все скандинавские лопари. Лестадиус, учивший, что нисхождение на человека благодати должно выражаться каким-нибудь внешним образом — криком, плачем, жестами или в другой аналогичной форме, нашел в психике лопарей для своего учения благоприятную почву, и религиозные собрания лестадиан представляют из себя нечто необычайное. Разъясняющий Св. Писание проповедник говорит обыкновенно очень недолго: спустя некоторое время после начала проповеди некоторые из присутствующих, обыкновенно женщины, начинают издавать дикие, лающие и воющие крики, к ним присоединяются другие, все вскакивают с своих мест, начинается всеобщий стон, плач, вой, люди судорожно обнимают друг друга, рвут волосы, у некоторых во рту показывается пена. Неистовство достигает своего апогея и затем начинает понемногу утихать. Бледные и истомленные, с полубезумными глазами, опускаются лопари постепенно на скамейки, постепенно шум замирает, и проповедник опять начинает говорить до нового возбуждения.

Состояние это хорошо известно лопарям, и для обозначения его у них существует особое слово — «likkatusak». Можно допустить, что явление это по сущности своей тождественно такому экстазу, в который приходят шаманы сибирских инородцев во время своих действий.

Не столь яркие проявления этой нервности можно наблюдать ежедневно. Иногда под влиянием какой-нибудь неприятной мысли до этого совершенно спокойно сидевший у костра и невозмутимо попыхивавший трубкой лопарь вдруг выказывает признаки неопределенного беспокойства, глаза загораются огоньком, а рука ломит руку так, что пальцы хрустят. Сон лопарей также беспокоен: они часто во сне стонут, ворочаются с боку на бок, просыпаются.

Где кроются причины такой повышенной нервности? Не есть ли она неизбежное следствие особенностей полярной природы? Это тем более вероятно, что заболевания на нервной почве — обильное явление и среди других народностей, живущих в тех же широтах, каковы, например, сибирские инородцы, северные норвежцы, финляндцы.

Полусказочная, полумистическая природа окружает лопаря: природа, величественная в необъятном просторе то грозного в невероятном спокойствии, то ужасного в буре Ледовитого океана, глотающего постоянные жертвы; в ушедших в мглистую даль размашистых, широких и длинных горах, то иссиня-черных в ненастную осень, то светящихся чистым пурпуром под косыми лучами солнца в ясные летние вечера, то прозрачно-голубых в тихие морозные зимние дни. Летом — неугасающее солнце непрерывного дня, прозрачность воздуха, насыщенного раздражающим, недопускающим крепкого освежающего сна светом; зимою — непрерывная ночь с коротким, бледно-лиловым отсветом невидимого светила в полдень, с незаходящею луною, с торжественно разгорающимся на звездном небе северным сиянием, отливающим радужными цветами, которое то торжественно и бесшумно дрожит над молчаливыми горами, точно в небе совершается великое таинство и ему благоговейно внимает вся земля; то это сияние бурно и тревожно носится по небу в виде голубого светящегося тумана, точно в вышине разразилась ужасная буря или некто в нечеловеческой ярости разрывает длинные языки голубого пламени, разметывает их, волнует, свивает в необъятные спирали, опять разрывает и носит по шире звездного купола. Северное сияние есть одно из тех поразительных по своей красоте и мистичности явлений природы, которые будят в человеке какие-то неведомые чувства, рождают непонятное беспокойство, тревогу, которые заставляют дикаря олицетворять эти явления, воплощать их в живые образы, человека культурного гореть невыразимым духовным восхищением, близким к религиозному экстазу.

Но природа здешняя не всегда хранит молчание: из горных ущелий иногда вылетают свирепые ураганы, и мертвая тишина сменяется вдруг адским ревом. От засыпанной снегом земли взлетают к звездам полчища воющих теней — и уже нет ни неба, ни земли — есть лишь один страшный, куда-то несущийся хаос, музыка свиста, гуления и адского хохота. И океан, напрягая все свои стихийные, титанические силы, с громоподобным ревом бьет водяными горами каменные горы, которые, кажется, вот-вот поладутся, и торжествующий океан ринется на побежденную землю.

Эта фантастическая, грозная природа не может не отразиться на психике лопаря, наделенного живою азиатской кровью, живым воображением, детски примитивным умом и сердцем. Вечная неуверенность в завтрашнем дне, вечный страх перед природой, постоянная борьба с нею, чисто физическая усталость и раздражение то от обилия света, то от его недостатка, действие северного сияния, музыки ветра в бурю — все это, взятое вместе,

представляет такую силу, что противостоять ей у человека никогда не хватит сил, и он неизбежно должен слиться с ней, стать таким же изменчивым и колеблющимся в психическом смысле.

К этому нужно еще прибавить действие кофе, которого пьют слишком много, рома, наконец, грязи и насекомых, очень раздражающих кожу.

Таковы, можно думать, причины нервности лопарей, в частности того экстаза, который самими лопарями называется «likkatusak».

Естественно, что эта особенность лопарей проявляется в их характере, жестах, походке — вообще во всем их внешнем облике.

Среди оленеводов Финмаркена, как и среди других групп, довольно часто встречаются отклонения от набросанного выше в общих чертах типа. Иногда попадаются довольно красивые мужчины с большими выразительными черными глазами; с густыми, слегка вьющимися черными волосами; с тонко очерченными губами; с выражением на лице какого-то благородства и спокойной уверенности в себе; с плавными красивыми движениями. Сравнительно высокий рост, светлые волосы и глаза, удлинненное и довольно правильное лицо у некоторых лопарей указывают на присутствие в них чужой, обыкновенно норвежской или финляндской крови (в других частях Лапландии — шведской, финляндской или русской). Те же отклонения существуют и среди женщин, между которыми не столь редки если не красивые, то очень милые лица, по типу приближающиеся то к скандинавскому, то к южному, причем последнее наблюдается чаще. Южный тип проявляется в больших черных глазах, черных волосах, в белом цвете кожи на лице.

Браки совершаются предпочтительнее всего между молодыми людьми, принадлежащими к одной и той же группе, т. е. к оленеводам, так как оленеводу нужна жена, которая умела бы исполнять женские обязанности в ведении оленьего хозяйства: умела бы пасти оленей, могла ориентироваться в незнакомой местности, в метель, не боялась бы трудностей и неудобств кочевой жизни. Что же касается девушек из оленеводов, то для них замужество с оседлым лопарем редко улыбается как вследствие бедности оседлых лопарей, так и вследствие привычки к кочевой жизни, к свежему, здоровому воздуху, обильной пище, к определенной работе и интересам. Охотнее идут замуж за оленеводов оседлые лопарки, которых манит к себе вольность жизни среди гор, вкусная оленина, являющаяся для морского лопаря редким лакомством, вообще более здоровая и обеспеченная жизнь. Они нередко нанимаются к оленеводам баграчками и остаются там навсегда, выходя иногда замуж за какого-нибудь бедного оленевода.

Браки между кочевниками и другими национальностями, как, например, финляндцами и норвежцами, если и заключаются когда-нибудь, то разве в виде крайне редкого исключения. Однако кровь этих национальностей, а с ними и их черты проникают и к оленеводам благодаря бракам с оседлыми лопарками, так как браки между лицами из оседлых лопарей того или другого пола и лицами из среды финляндцев и норвежцев очень часты.

Детей у оленеводов много не бывает, семьи с более чем двумя-тремя детьми встречаются не часто. К сожалению, трудно сказать что-нибудь положительное относительно увеличения или уменьшения числа оленеводов, так как среди них неоднократно происходили перемещения, влиявшие в ту или другую сторону на общее число оленеводов Финмаркена. Так, в десятилетие от 1855 г. по 1865 г. число кочевых лопарей Финмаркена уменьшилось с

1325 человек до 988, т. е. на 337 человек, что, вероятно, стоит в связи с запрещением, наложенным русским правительством на его границу, вызвавшим переселение части оленеводов из Финмаркена в Швецию и Финляндию. Вообще же число кочевников в Финмаркене колебалось следующим образом (см.: Amund Helland «Topografisk statistik beskrivelse over Finmarkens amt». Kristiania, 1906):

в 1845 — 1335 человек;
1855 — 1325;
1865 — 988;
1875 — 901;
1891 — 1036;
1900 — 896.

Если допустить уменьшение числа оленеводов, то, во всяком случае, причина этого лежит не в вымирании их, а в переходе из кочевого состояния в оседлое вследствие утери оленей. И действительно, в то время как оседлые лопари заметно увеличиваются в своем численном составе, кочевники в процентном к ним отношении заметно убывают. Так, в 1875 г. кочевники составляли 13% числа всех лопарей Финмаркена, в 1890 г. — 11 и в 1900 г. — 9%.

Прирост же количества оседлых лопарей выражается в следующих цифрах:

в 1845 г. оседлых лопарей было в Финмаркене 5306 человек;
1855 — 5778;
1865 — 6502;
1875 — 6107;
1891 — 7442;
1900 — 8642.

Из сказанного можно заключить, что если оседлые лопари не только не вымирают, но даже дают заметный прирост, то тем более не должны вымирать кочевники, находящиеся в несравненно более благоприятных жизненных условиях, имея в своем распоряжении достаточное количество пищи, одежды, дыща свежим, здоровым воздухом. И если и замечается уменьшение количества кочевников, то объясняется это вероятнее всего неожиданным обеднением как следствием падежа оленей, что, в свою очередь, есть результат или слишком суровых зим, когда животные не могут через сугробы снега добраться до мха, или повальных болезней, или каких-нибудь других несчастий.

Оседлый лопарь в большинстве случаев болезнен на вид, худ, бледен, вял, одет в изорванную, старую одежку, все в нем кричит о хронической голодовке, о постоянной нужде, все возбуждает в свежем человеке чувство жалости и сострадания, тогда как при взгляде на кочевника делается на душе вольно и весело при виде его загорелого и закопченного дымом лица, хитрых зорких глаз, своим блеском свидетельствующих о довольстве и о жизни, протекающей под открытым небом, при виде всей его коренастой, крепкой, хотя и неуклюжей фигуры.

Бытовая техника

Как ни примитивна, как ни мало развита техника у лопарей, однако значение ее в хозяйстве кочевого и оседлого лопаря очень велико. Несмотря на постоянные сношения с культурными скандинавами, финнами и русскими и на возможность за небольшие деньги

приобрести все необходимое, лопари, главным образом кочевые, еще до сих пор пользуются предметами собственного изготовления в несравненно большей мере, чем предметами, купленными у норвежских, шведских, финских или русских мастеров.

Собственно говоря, лопарь-кочевник очень легко мог бы ограничиться вещами собственного производства, не становясь, таким образом, в зависимость от господствующего народа. Жизнь его так однообразна, один день так похож на другие; потребности лопаря так ограничены, так минимальны и удовлетворимы собственными силами, что ему очень нетрудно было бы отказаться от так называемых «благ культуры», тем более, что, может быть, добрая половина этих благ отрицательна: изнеживает его, ослабляет физически и морально, отравляет алкоголем. Но, с другой стороны, оседлое культурное население доставляет кочевнику много действительных «благ культуры». Так, например, вместо того, чтобы покрывать остов своего жилища оленьими шкурами, от дождя скоро портящимися, или древесною корою, неудобною для перевозки во время кочевания — как вследствие громоздкости, так и вследствие ломкости, — лопарь вместо этого имеет возможность купить брезент, во всех отношениях очень удобный. Вместо того, чтобы в продолжение нескольких дней выскабливать из оленьего рога или черепа ложку, игольник, ножны и другие вещи, — все это лопарь может купить за гроши у торговца. Правда, купленная вещь не будет отличаться тою прочностью и нередко красотою, какою отличается предмет собственного изготовления, но зато в первом случае получается огромная экономия времени, которого редко бывает слишком много. Посещение же торговца кочевник всегда может приурочить к осени, когда торговцы со всевозможными товарами выезжают к определенному месту (в Финмаркене — Шуш-яури), расположенному в центре путей, по которым оленеводы передвигаются с летних стоянок к зимним, и где образуется нечто подобное русской ярмарке, или к поездке на Рождество или Пасху на погост. Наконец, все необходимое может быть приобретено на ярмарке в Боссэкопе.

Итак, несмотря на возможность производить все необходимое домашним способом, силами своей собственной семьи, лопарь (главным образом кочевник) пользуется кое-какими предметами фабрично-заводского производства. Что же относится к первому и что ко второму роду предметов? Принимая в соображение главнейшее, это разделение можно провести следующим образом: вещи, приобретаемые лопарем готовыми к употреблению; вещи, изготавливаемые лопарем из приобретенного материала; вещи, изготовленные из материала собственного производства. К первым у кочевников-олленеводов относятся изделия из железа, как-то: все режущие и рубящие орудия, затем скребки, иголки, котлы, кофейники и т. п. У оседлых лопарей к этому прибавляется многое другое: рыболовные крючки, железная посуда, висячие керосиновые лампы, швейные машины и т. д. Ко второму роду как у кочевых, так и оседлых лопарей относятся: покровы летнего шалаша, часть летней одежды, преимущественно женской, головные уборы, вообще главным образом шитье. Третий род вещей включает в себе зимний покров шалаша, его остов; сундучки; деревянную посуду; средства передвижения (льжи, кересь); обувь, зимнюю одежду, часть летней; рыболовные и охотничьи снаряды; изделия из оленьих рога и кости (ложки, игольники, пряжки и др.) — у кочевых лопарей и два рода ткацких станков; рыболовные и охотничьи снаряды; обувь, зимнюю одежду; изделия из дерева; лошадиную упряжь; орудия для добывания [и] размельчения заболони и многое другое — у оседлых.

Орудия техники, которыми пользуются кочевые лопари, чрезвычайно немногочисленны и примитивны: это топор, нож, буравчик, долотце, скребок для выделки шкур, игла, и больше почти ничего. И тем не менее лопарские изделия отличаются прочностью и очень часто красотой. У оседлых лопарей, конечно, больше инструментов под рукою, но обилием и разнообразием набор их, во всяком случае, не отличается.

Постараемся, хотя бы кратко, описать наиболее интересные орудия техники и предметы, до сих пор еще не вышедшие совершенно из употребления.

В настоящее время уже с большим трудом можно найти (а может быть, уже и нельзя) ткацкий станок, основа которого натягивается камнями. Служит он для изготовления ткани, употребляемой как материал для одеял и покрова зимнего шалаша. Одеяло по-лопарски [называется] «раудну», отчего и стан этот называется «раудну-стоуляк». Он занимает очень немного места, легок, быстро разбирается и очень удобно складывается, так что можно предположить широкое пользование им у лопарей еще в сравнительно давнее время, причем у лопарей исключительно оседлых, у которых только еще и можно найти его в настоящее время. Кочевнику нет смысла иметь при себе этот стан, потому что материалом для работы на этом станке служит нить [из] шерсти; кочевник же владеет лишь оленями и никогда овцами. Поэтому ему выгоднее приобрести готовую ткань у оседлого лопаря в обмен на оленину или оленьи шкуры, чем возить с собой портативный, но все же нежелательный лишний груз.

Возможно, что раньше материалом для тканья служила не только шерсть, хотя в настоящее время идет исключительно последняя.

Раудну-стоуляк (см. черт. 1, 2) состоит из двух довольно грубо отесанных деревянных брусьев (а, б), каждое длиною около 2 метров и около 5-6 см в поперечнике; в верхней половине этих брусьев просверлено по несколько круглых или другой формы отверстий 2-3 см в диаметре; поставив эти два бруса у какой-нибудь точки опоры (стена дома, жердь, положенная на две врытые в землю рогули) в несколько наклонном положении один от другого на расстоянии 125-150 см, в два верхних отверстия вставляют по короткому кольшку (с, d), а в два средних по несколько более длинной рогатке (е, f), в среднем каждая длиною в 20-30 см; затем на кольшки (с, d) кладется деревянная планка (g) с рядом дырочек, через которые пропущены нити, составляющие основу стана; один ряд этой основы, неподвижный (h), тянется вниз, обхватывает с передней стороны брусок (i), который свободно, без каких бы то ни было закреплений кладется на нижние концы брусков (а, б) и свисает, натягиваемый камнями (k); другой ряд нитей, подвижный (l), проведен к круглой палке (m), лежащей концами на рогатках (е, f), откуда свисает вниз, как и первый ряд, натягиваемый камнями (n). Этот ряд (l) прикреплен к палке (m) не непосредственно, а при помощи ряда петелек, так что от палки он проходит на некотором расстоянии. Это-то расстояние и дает возможность неподвижному ряду находиться то впереди, то позади неподвижного ряда нитей, и, таким образом, закрепляет шерстяную нить ткани, просовываемую меж двух рядов нитей основы при помощи челнока (о) — если ткань одноцветная, или при помощи двух челноков — если она двухцветная; длина челноков достигает 1 метра.

Натягивающие основу камни прикрепляются к концам нитей иногда не непосредственно, а завернутые в тряпочки, так как иначе они легко выскальзывают из петель.

Ткань, употребляемая теперь исключительно на одеяла да на покров зимнего шалаша у оленеводов, бывает обыкновенно серого цвета с красными и черными полосами, состоящими иногда из маленьких, расположенных как на шахматной доске, квадратиков.

«Раудну-стоуляк» сделалась теперь этнографической редкостью. Один экземпляр его находится в музее Тромсе, среди других лопарских вещей, а другой, найденный мною, — в Русском музее Императора Александра III, и больше, кажется, нигде его нет. Хранящийся в Русском музее образец отыскан в селении Стабуснес на западном берегу Порсангер-фиорда (Финмаркен).

Интересны также орудия для добывания и обработки заболони с сосны ... Заболонь эта добывается оседлыми лопарями, живущими в лесах северной Финляндии (бассейн озера Энаре). Она высушивается размельчается, и из нее варится густой суп, обыкновенно с рыбою. По словам пробовавших его, суп этот отличается острым, возбуждающим аппетит и довольно приятным вкусом. Конечно, пользуются заболонью как пищей только в случае отсутствия лучших продуктов, что может явиться следствием падежа оленей, плохого улова рыбы, бедности.

Первое из орудий труда представляет из себя кусок оленьей кости длиной 30–35 см; слегка изогнутый наподобие латинского S; один конец его расширяется в топовидный скребок, к концу утончающийся и, по возможности, острый; другой конец кости тоже расширен, образуя как бы верх ручки; этим орудием заболонь очищается от покрывающей ее коры.

Второе орудие — скребок, которым соскабливается заболонь. Он также сделан из оленьей кости; длина скребка 15–20 см; конец его сужен, заострен и приподнят немного кверху; другой конец оканчивается круглою головкой с отверстием для шнура, при помощи которого скребок вешается на стенной гвоздь, на пояс, на руку.

Наконец, третье орудие, по-лопарски «нордамос», служит дробителем высушенной заболони; длина его около 50 см; нордамос состоит из двух топориков, сделанных из оленьей кости и деревянного древка, в которое эти топорики вправлены; древко кверху суживается, образуя ручку.

<...>

Обработка шкур производится исключительно с помощью скребка «иекку», представляющего [собой] острою с двух концов и изогнутую наподобие латинской S железную пластинку, прикрепленную к середине перпендикулярной ей палки; положив необработанную, но хорошо просушенную на солнце и ветру шкуру на доску или обломок лыжи («нястим-феллю»), соскребают с нее возможно чище остатки мяса; затем нижняя сторона шкуры вымазывается смесью из старой рыбьей печени, жидкого молока и муки; когда смесь эта достаточно всосется в шкуру, последняя свертывается в трубку; через некоторое время вымазывание и свертывание повторяются до тех пор, пока шкура не сделается совершенно мягкой. Тогда мазь начисто смывается теплою водою и шкура сушится; время от времени ее мнут руками, чтобы еще в период сушки шкура сделалась мягкой.

Шкурами, только что снятыми с убитых оленей, до той поры, пока они совершенно просохнут, устилают землю внутри шалаша, покрывают во время дождя вещи; если же необходимо иметь шкуру готовую для обработки скоро, то ее засовывают в пространство между остовом шалаша и покрывалом — если погода плохая; просто кладут на покров шалаша с внешней стороны — если погода хорошая. Маленькие шкурки с ног и головы оленя, из которых шьется зимняя обувь и рукавицы, чтобы не сворачивались, направляются прутиками, иногда — рядами параллельных стружек.

Остальные орудия техники особого интереса не представляют, так как они или приобретаются готовыми у норвежских и финских мастеров, или изготавливаются оседлыми лопарями по образцам, заимствованным у этих же мастеров.

Большим изяществом отличаются изделия из оленьего рога и кости. Единственное почти орудие, которым пользуется лопарь при этих работах, — нож, вследствие чего требуется много терпения и настойчивости, чтобы довести начатую работу до конца.

Тщательно и осторожно скоблит кочевник целые дни кусок рога, придавая ему форму задуманной вещи, вычерчивая затейливый мелкий геометрический орнамент — иногда для себя, иногда для невесты или сестры.

Из этих вещей в особенности интересны ножны — «чуарви-дохту» ... На одних ножнах изображен лопарь в кереси со скачущим во всю прыть оленем, а впереди этого рисунка кружок со звездой внутри, напоминающий картушку компаса. Ножны двух других ножей украшены геометрическим орнаментом, вырезанным и выскобленным по всей длине. Ручки ножей сделаны также из рога; верхняя часть ножен — из кожи. Роговые ножны теперь встречаются все реже и реже, главным образом в шведской Лапландии и в пограничных с ней местностях, норвежской и финляндской. Из ножей... один... вывезен из погоста Энаре в финляндской Лапландии, другой — из селения Муонианиска в той же Лапландии, расположенного на берегу реки Муонио, а третий — из селения Каутокейно в южной части норвежской Лапландии (Финмаркен).

Интересны также пряжки «чуарви-боаган-уайви» для тканых цветных поясов: овальной формы, украшенные мелким геометрическим орнаментом; распорки «чуарви-боаган-цагги», которые пришиваются к поясу перпендикулярно его длине, отчего пояс всегда остается расправленным; игольники «чуарви-нялло-коакты», в которые всовывается подушечка с иголками и с ремешком для подвешивания вместе с другими принадлежностями шитья (ножницами, кожаным наперстком, нитками из оленьих жил) к женскому поясу. Из рога же делаются колечки, при помощи которых образуется петля аркана для ловли оленей, пистонницы, вешалки...

... Употребляются серебряные ложки — «силяба-пасты» — крайне редко, главным образом на свадебных пирушках, при посещениях особо дорогих гостей, наконец, просто хранятся как красивые, ценные вещи. Серебряные ложки, как и серебряные брошки и кольца, дарятся иногда парнем девушке, благосклонность которой он хочет снискать; изготавливаются они, конечно, не лопарями, а по всей вероятности, финляндскими мастерами, но исключительно для лопарей. Непременным и отличительным украшением этих ложек являются колечки, то свободно висящие на неподвижных круглых петельках, то пропущенные сквозь отверстия в ручке. Роговые же ложки «чуарви-пасты», изготавливаются самими лопарями, большей частью с помощью одного лишь ножа, и, тем не менее, нередко бывают очень изящны.

Непринужденность и грациозность линий в орнаменте, которым лопари украшают свои изделия, говорят об имеющихся у них художественном чутье и вкусе. Вообще, чувство изящного проявляется у лапландцев очень во многом: в подборе цветов одежды, оленьей упряжи, в форме некоторых предметов, в рисунках на них. Как ни низок культурный уровень лопаря, особенно кочевого, однако красота играет очень значительную роль в его жизни. И стремление к всевозможному рода украшениям проявляется у кочевников чаще и ярче, чем у оседлых, у

которых все оригинальное и самобытное стирается постоянным общением с более культурными скандинавами, финнами, русскими.

Средства передвижения

В связи с местными географическими, климатическими и другими условиями выработались у лопарей соответствующие средства передвижения: лыжи, кересь. Кересью лопари называют деревянный кузов, имеющий вид маленькой узенькой лодочки с тупою, обрезанною, как у шлопок, кормою и острым, поднятым кверху носом. Делается кересь по тому же плану, что и лодка: к самой нижней, основной доске прикрепляются поперечные ей дуги (шпангоуты в лодке) и полученный скелет обшивается выгнутыми снаружи планками, по пяти для каждой стороны. Кереси бывают двух типов: ездовые и грузовые. Последние отличаются более грубою работою и сзади не имеют спинки, тогда как первые бывают изящнее в отношении формы, имеют довольно высокую спинку, нередко раскрашиваемую в яркие цвета. На спинке часто изображаются кресты, кривые линии, ряды кружков, внутренность же кереси раскрашивается в синий или красный цвет.

Вместимость кереси такова, что в ней еле-еле может усесться один человек; немного свободного места остается спереди ног, куда иногда кладется мешочек с небольшим запасом провизии, но так, чтобы седок с ним вместе не весил больше 100 кг, так как большой груз для оленя не по силам. Человек сидит вытянув ноги и упиравшись спиною в плоскую спинку. Кересь тащится оленем за ремень — «vuotta-raippe» («вуотта-райпи»), один конец которого прикрепляется к переднему концу нижней, основной доски кереси, а другой — под брюхом [оленя] к упряжи.

Еще недавно упряжь была очень проста: она состояла из хомута — «gases» («гэзэс») и «вуотта-райпи», шедшего от хомута меж ног к кереси, и из узды с поводом — «lavsee» («ляучи») для управления оленем. Теперь же упряжь состоит из хомута, подбрюшного дровка, удерживаемого под брюхом перекинутым через спину поясом, и двух ремней или лент, соединяющих хомут с поясом с двух боков, и, наконец, уздечки с поводом. Последний часто плетется из нескольких тонких ремешков, приобретая круглую форму, удобную для перебрасывания его через спину животного направо или налево, чем олень управляется.

Обыкновенно у всякого оленевода есть две упряжи — повседневная и праздничная. Первая шивается из простых черных ремней, вторая из широких ярких лент, представляющих комбинации из треугольников красной, желтой, синей или другого цвета материи, реже — одноцветных. Попадаются чрезвычайно прихотливо разукрашенные уздечки, ошейники для подвешивания колоколов, бубенцов.

Некоторые лопари, преимущественно из Карашока, укрепляют на охватывающем спину оленя поясе, на левом боку, торчащий вверх маленький рог, чтобы класть на него повод, иначе опускающийся низко к земле и запутывающийся между ног. В противном случае приходится набрасывать повод на спину оленя.

Езда в кереси требует некоторого навыка, умения. Дорог нет, ехать приходится по цельному снегу, часто по неровному, кочковатому месту, и кересь прыгает, как лодочка на волнах. Чтобы не вывалиться, приходится то и дело упираться в снег правою и левою ногою. При подъемах вылезают обыкновенно из кереси, иначе олень очень уставал бы, но зато при

спусках с гор получается всегда почти бешенная скачка, так как олень боится, что кересь, сама скользящая по уплотненному ветром снегу горы, достигнет его и ударит по ногам. В таких случаях тормозят ногами или одною рукою (в рукавице), но и это не всегда помогает, так как снег на открытых местах гладок, как лед и ноге не о что опереться.

Для задерживания кереси на таких местах употребляется специальный олень, привязываемый к спинке кереси и при слишком быстром движении задерживающий его.

Неудобнее всего пробираться по мягкому, глубокому снегу, особенно в лесах; здесь лопарь идет на лыжах, ведя за собою оленя, грудью прорывающего путь в снегу. Если есть задние, то они движутся как бы в глубоком, узком канале, меж двух стенок.

Зимою при перекочевках всякий скраб перевозится на кересях, причем весь груз для одной кереси колеблется между 70 и 100 кг. Летом же олень носит все, кроме людей, на своей спине; вес ластва* колеблется между 25 [и] 40 кг. Для подвешивания багажа употребляется особое приспособление — «spagak», состоящее из двух полусогнутых дощечек, с заостренным у одной из них концом в виде наконечника стрелы; в конце другой вырезано узкое продольное отверстие, в которое просовывается стрелообразный конец другой дощечки и поворачивается поперек первой так, что крылья наконечника упираются в дерево и дощечки оказываются соединенными; тогда, подложив предварительно что-нибудь мягкое (шкуру, одеяло), кладут «spagak» на спину оленя, стягивают нижние концы ремешком, обхватывающим низ брюха и на выдающиеся верхние концы дощечек вешают груз по обеим сторонам.

Чтобы груз не сползал слишком вперед или назад, пользуются двумя ремнями, обхватывающими грудь и зад оленя. Во время летних перекочевок, дуги и жерди шалаша прикрепляются одними концами к «спагаку» и тащатся другими концами по земле.

Все немногочисленные благоустроенные дороги Финмаркена проведены лишь по берегам фиордов, внутри же этой области ни в настоящее время, ни, тем более, в прежние времена дорог не было. Только от двух селений — от Каутокейно и Карашока тянутся к морю тропинки, по которым летом можно двигаться или только пешком, или верхом на лошади. В наиболее открытых местах, где зимние метели бывают особенно опасны, тропы эти уставлены рядом столбов-вех. Для удобства путешественников, будь то лопарь или какое-нибудь должностное лицо, по всей длине тропинок устроены постоянные дворы — «fyeld-stue», [отстоящие] один от другого на расстоянии 40–60 км. Здесь живет постоянный сиделец, получающий от государства определенное вознаграждение и обязанный за известную плату предоставлять остановившимся путникам провизию, дрова, постель. В доме имеются две половины: чистая — более дорогая и черная — дешевая.

Но даже по этим тропинкам нельзя проехать в санях на лошади более или менее далеко, т. к. часто попадаются груды камней, крутые спуски, кочки, заросли и т. п. Про лежащие же в стороне местности и говорить нечего: там пригодны только выработанные лопарями средства передвижения. Самым древним из них, по всей вероятности, являются лыжи, по-лопарски «savek». Лопарские лыжи, как формою, так и размером значительно отличаются от лыж других

* Так в оригинале.

народов, например, норвежских, финских, зырянских и т. д. Они изготавливаются самими лопарями из березового дерева с наименьшим количеством сучков, особенно посреди, так как в противном случае лыжи легко ломаются; они всегда короче норвежских лыж, длина которых для данного человека определяется расстоянием от земли до конца вытянутой вверх руки, уже их, причем ширина одинакова в передней и задней части, концы приподняты очень немного, нижняя сторона по всей длине имеет желобок, а верхняя к середине утолщается. Носок ноги просовывается в поперечный лыже ремешок, пропущенный через отверстие в середине ее, где лыжа сглажена, образуя для ступни площадку. Незначительные размеры лыж объясняются, конечно, отсутствием в Финмаркене достаточно длинных и толстых деревьев.

При беге пользуются обыкновенно одною простою палкою, редко двумя, без кругов и железных наконечников. Иногда такая палка оканчивается маленьким, продолговатым черпачком, которым лопарь достает из-под снега мох, отыскивая для оленей хорошее пастбище.

Бегают на лыжах лопари сравнительно небыстро: во время скорого движения лыжебежец очень разогревается, весь покрывается потом, и стоит ему несколько замедлить ход, чтобы мокрая одежда тотчас же заиндевела; между тем лопарю нередко приходится во время пастбы или в пути подолгу оставаться на месте и даже ночевать на снегу. Естественно, что он старается скользить медленно и равномерно. Но зато когда нужно оленевод может проявить замечательную скорость и неутомимость, догоняя волка или пробегая в день до двухсот километров.

Одежда

Почти с полною уверенностью можно утверждать, что в сравнительно недавнее время единственным материалом для одежды и обуви, как зимней, так и летней, служила оленья шкура, что в качестве иголок употреблялись тонкие кости, а оленьи жилы (расщепленные сухожилия) и по настоящее время заменяют нитки, превосходя последние в крепости. Но энергичные норвежцы проникли и на Крайний Север; на берегах фиордов и даже среди диких гор выросли хоромы торговцев, и кочевник наряду с одеждой из шкур стал шить одежду и из купленных у купца материй, шить стальными иголками и украшать яркими вышивками.

Летом лопарь носит суконную шапку «гаррег» — «кохпир» — с широким красным околышем и свешивающимся с него черным верхом, имеющим вид четырехконечной звезды; иногда — цветную рубаху и поверх ее — суконную блузу «какте» («gakte»), доходящую до колен, черного или синего цвета, со стоячим воротником и прямым открытым разрезом на груди. Воротник, плечи, обшлага рукавов обшиты полосками красной и желтой материи. Такие же полоски нашиваются на спину, спускаясь от плеч и шеи книзу, чуть пониже лопаток. Затем лопарь стягивает «gakte» ремешком — «воаган», на котором сбоку висит нож в кожаных или роговых ножнах — «дорра». Через плечо он всегда носит свернутое лассо; на ногах — штаны «бусак», иногда черные, норвежской работы, иногда белые — лопарской; мягкие кожаные голенища повыше колен и башмаки — «gabmasak» с загнутыми вверх носками.

В нижней части голенищ устроен продольный разрез, так что узкие голенища натягиваются на верх башмаков, где и обматываются плотно длинною повязкою, — «вуодда» вследствие чего вода не может проникать в обувь.

Женщина на голове носит чепчик, плотно облегающий ее волосы и закрывающий уши. На теле полосатая блузка до колен, расширяющаяся складками книзу. На ногах та же обувь, что и [у] мужчин. Зимний костюм, мужской и женский, того же покроя, только шит из оленьего меха. Околыш шапки делается из шкурки молодых оленей и в ее верх кладется трава — «suoidne» (*Carex visicaria*), которою выстилают внутри обувь.

Прежде чем устилать обувь этою травою, ее встряхивают, чтобы она сделалась пушистою; затем ее засовывают правою рукою внутрь так, что трава закрывает руку со всех сторон. В таком виде башмак надевается на голую ногу, трава плотно обхватывает ее, отлично согревает и вытягивает пот, отчего ноги никогда не преют. Через несколько дней трава сменяется на новую, но не выбрасывается, а просушивается и служит еще некоторое время. Хранится «suoidne» связанною в веники. Собирается она осенью, сушится, размягчается деревянною колотушкою и сплетается.

Поверх «gakte» носится «bceska» — «песка» — шуба из меха иногда старых, иногда молодых оленей, шерстью наружу. Нередко обходятся без «какты»: на голое тело надевают шубку из шкур молоденьких оленей — «dorkka», а на торку — уже песку, но чаще всего «gakte» надевается поверх торки. Затем на ноги — кожаные штаны, у которых часть от щиколотки и вверх, повыше колена, — из шкуры с ног оленя. Эта шкура имеет короткую шерсть, груба, но зато крепка и не скоро протирается. На ногах — башмаки, тоже из шкуры с ног оленя (частью — со лба), как и летние, с загнутыми кверху острыми носками. Такая форма носка удобна при беге на лыжах: не позволяет ноге выскользывать из ремня; однако лопари объясняют распространение этого фасона просто его красотою. Действительно, без такого острого загиба обувь лопарей выглядела бы очень невзрачно в силу ее огромных размеров.

Концы штанов из оленьей шкуры оканчиваются пришитою к ним красною материей, которая обхватывает башмаки на щиколотке и обматывается длинными повязками, чтобы в обувь не проникал снег.

Праздничный костюм отличается от будничного лишь качеством меха, более изящным, пригнанным к талии покроем да, может быть, несколько более яркими нашивками: нарядная шубка («песка») шьется из совершенно белого или темно-коричневого меха молодых оленей, отличающегося сверх этого мягкостью и короткостью шерсти; на башмачки идет мех того же цвета и качества; и размер их бывает меньше обыкновенного; на белоснежные олени рукавички нашиваются красные изящные бантики и к стягивающим рукавицы шнуркам — кисточки (такие рукавички надеваются обыкновенно молодыми парнями во время их поездок к невестам перед свадьбою); наконец, для особо торжественных случаев. Некоторые состоятельные лопари и лопарки хранят старинные пояса — «силяба-боага»; они представляют из себя широкий черный кожаный ремень (до 10 см шириной), вдоль которого нашита красная суконная лента, почти вдвое уже ремня, а к ленте прикреплены серебряные позолоченные квадратики, иногда с висящими на нижней стороне их маленькими колечками. Та же разница и между женским праздничным и будничным костюмом.

В обыкновенном повседневном костюме лопарь достаточно безобразен: пояс обхватывает тело ниже бедер, и одежда широким мешком свисает вниз, между тем как из нее торчат короткие, плотно обтянутые шкурою, ноги. Но зато этот костюм как нельзя лучше

приспособлен к условиям его жизни. Случается, что волк загонит стадо километров за 20-30 от чумов, нужно его догонять. Лопарь живо бежит на лыжах целый день, разогревается и весь покрывается потом. Носи он белье, во время остановки оно замерзло бы и тоже грозило бы лопарю; благодаря же тому, что он носит торку, а ноги обернуты впитывающей влагу травой, лыжебежец остается сух и невредим.

Пася ночью оленей, нередко в пронизывающий холод, лопарь позволяет себе вздремнуть минут 15-30. Необходимо укрыться от холода, и опять одежда для этого прекрасно приспособлена: рукава, очень узкие в концах, чтобы ветер не проникал в них, очень быстро расширяются кверху, так что одежда имеет вид мешка, открытого внизу и расширяющегося кверху, где есть отверстия для головы и рук. Такой покрой дает возможность вынимать руки из рукавов, не снимая одежды, и помещать их внутри под шубою. И вот пастух выбирает сугроб за ветром, стягивает поясом песку как можно ниже и крепче, чтобы под нее не поддувал ветер, вынимает руки из рукавов, втягивает голову поглубже в воротник пески, зарывает ноги от ветра в снег, укладывается в него, съезживается и засыпает, и если просыпается, то не от холода, а от страха за оленей, которых может уворовать не только волк, но и свой же брат-оленеводец.

Но тогда лопарь выглядит совершенно иначе, когда под Рождество он скачет в кереси, запряженной оленем, к одному из немногих поселков с киркою. В зимней шапке с ярким верхом и опушкою, в белоснежной, сшитой в талию, со складками сзади, оленьей шубке с красным воротником и двумя длинными, красными, свободно падающими с него на грудь лентами, перехваченный широким кожаным поясом с нашитою на него по всей длине красною материей с серебряными позолоченными украшениями, в голенищах из черного блестящего меха с красною перевязью внизу; в сверкающих ослепительно белизною маленьких оленьих башмачках с острыми, загнутыми кверху носками, в таких же беленьких рукавицах; вымытый, с вечною пипою во рту, сверкая яркой комбинацией цветов своей одежды — ослепительно-белого, блестяще-черного, ярко-красного и золотого, лопарь может заставить любоваться своею оригинальною, наивною красотою.

Лопарки в праздник носят шелковый чепчик, расшитый кругом лентою с яркими цветами, белую или темную шубку и ту же обувь. На голову накидывают большой, цветной платок, схватываемый на груди серебряною брошью, большей частью в виде кружка с маленькими на нем колечками.

В некоторых местах и тот, и другой пол носят темные пески, в красоте несколько не уступающие белым.

Одежда детей отличается лишь тем, что для них она шьется из шкурок мертворожденных оленят. Этот мех очень нежен, легок и мягок, но не слишком греет и скоро изнашивается.

Обыкновенная, повседневная песка годна к употреблению не более одного года, затем протирается и лишается волос. Тогда она перешивается на торку.

Жилище

Вынужденный передвигаться с места на место, оленевод пользуется переносным, легким жилищем — шалашом, по лопарски «коахть». Лопарские стоянки состоят из нескольких шалашей, из 2, 3, даже из 5 или 6, причем в каждом шалаше помещаются обыкновенно две

родственные фамилии, тогда как обитатели отдельных шалашей могут быть и не родственниками. Такое соединенное кочевание удобно в том отношении, что олени пасутся вместе, а это значительно упрощает и облегчает уход за ними. Летом для стоянки подыскивается сухое, защищенное от ветра место вблизи речки или озера, зимою же стремятся укрыться в лесу. Шалаши расставляются без определенного порядка, на расстоянии 10–30 саженей один от другого, нередко образуя кривую линию.

Коахты бывают летние и зимние — «кеса-коахты» и «далява-коахты», разница между ними в размере и качестве ткани, которою обтягивается остов шалаша. Остов же состоит из четырех деревянных дуг и нескольких прямых палок и жердей, расставляемых в виде усеченного конуса. Каждая из четырех дуг — «dcellje» — имеет на более загнутом и утолщенном конце по круглой дыре. Когда нужно расставить коахты, то берутся две дуги, кладутся на землю отверстием к отверстию и тонкими концами врозь. Таким же образом, на расстоянии двух-трех аршин, параллельно первой паре кладется и вторая пара дуг. Затем в отверстие каждой пары втыкается по концам поперечного дугам древка «suovva-tuogga» («дымовое древко»), превращающее таким образом каждые две дуги в одну большую и соединяющее эти две большие дуги между собою, после чего лопарь подымает эту комбинацию за дымовое древко кверху и, когда оно поднимется приблизительно на высоту его груди, втыкает слегка тонкие концы дуг в землю. Эти вертикально стоящие дуги с поперечиной между ними являются основою коахты. После этого для большей прочности укрепляются между дугами еще две поперечные палки параллельно дымовому древку и сквозь имеющиеся в дугах и поперечинах петли просовываются длинные и тонкие жерди, укрепляемые на земле наклонно к основе, но так, что верхние концы жердей не сходятся, а образуют окружность, и весь скелет имеет вид усеченного конуса. Покончив со скелетом, берут сложенную покрывку, разворачивают ее и при помощи тесемок привязывают к остову. Покрывка, которою обтягивают его, состоит из двух кусков ткани — привязываемых — и третьего — набрасываемого на сторону, противоположенную входу, где сходятся края вышеупомянутых двух половин покрывки, и [она] защищает от сильного дождя и ветра.

Вход образуется двумя жердями и закрывается клинообразным, во всю длину коахты, лоскутом, натянутым на несколько поперечных палочек и привязываемым за острый конец к верхнему концу одной из жердей, образующих вход.

Таким образом, шалаш имеет 12–16 граней, но углы их настолько тупы, что в общем он имеет круглую форму.

Что касается ткани, то для летнего шалаша употребляется в настоящее время предпочтительно парусина, хотя нередко можно встретить шалаш, спитый из мешков от муки, покупаемой оленеводами на берегу. Для зимнего же жилища идет толстая, теплая ткань, изготовляемая морскими лопарями и служащая чаще всего одеялом, сотканная в полосы и квадраты, всегда почти серого и красного цвета.

Покончив с расстановкой, приступают к внутреннему убранству шалаша. Откапывают десяток камней, каждый фунтов по десять, и кладут их внутри, посреди, в виде круга — «арен», в котором разводится огонь — «толля»; вся внутренность кругом арена устилается свежесрезанными прутьями и поверх их оленьими шкурами. Камни арена защищают шкуры от огня, вообще ограничивают его площадь.

Для того, чтобы из-под материи шалаша в спину не дул ветер, кругом раскладываются пески, одеяла, шкуры; у входа кладется топливо, на противоположной стороне — мешки с

мукою, если она есть, с солью; сундучки с чашками, блюдечками, кофе, сахаром, ложками и другой мелочью. Место это называется «boasso». В дохристианский период оно имело особенное значение, и женщина не имела права его занимать. Над этим местом на suovvatioгга висит желудок оленя с кровью, применяемой в похлебку собакам; немного ближе к середине, к огню — котел на особой подвеске «топпа ригги».

Люди располагаются по обе стороны от входа — «loaiddo», никогда не занимая «boasso». Размеры коакты различны: есть шалаши, где с трудом помещаются на ночь 3-4 человека, а есть и такие, где свободно укладываются 10 человек по радиусам, т. е. ногами к огню и головами к щели между покрывкой шалаша и землею. Затем зимний коакты всегда больше летнего.

Снаружи коакты имеет вид усеченного конуса с торчащими из него черными от копоти концами жердей. Покрывки сверху тоже совершенно черны, переходя книзу постепенно в красно-коричневый и далее — в грязно-серый цвет.

Иногда случается, что сильный порыв ветра опрокидывает шалаш и разносит во все стороны вещи. Если такой ветер предвидится, то заранее подвешивают к дымовому древку тяжелый камень, удерживающий коакты на месте, хотя и не всегда.

Оленеводы из Каутокейно кроме только что описанного шалаша пользуются еще более легким небольшим шалапом, состоящим из круга жердей, воткнутых конусообразно в землю и обтянутых брезентом или сшитыми мешками. В нем живут пастухи стад, не пригоняемых ежедневно к главному шалашу, а бродящих вокруг него. Называется такой шалаш «lavvo».

Пища

Пища оленеводов очень незатейлива и однообразна, и не только бедных, но и богатых. Утром, проснувшись, прежде всего готовят кофе, который пьют иногда с оленьим молоком, а иногда и без него, но всегда солят. После кофе закусывают — если есть, то соленого рыболо, приобретаемого в обмен на оленину у морских лопарей, а нет — то пекут «кахку» или жарят мясо.

«Кяхку» — круглые тонкие лепешки из мучного теста, достигающие приблизительно $\frac{1}{2}$ аршина в диаметре. Приготавливается кяхку следующим образом: размесив тесто из муки и воды в деревянной посуде, растирают из него согнутыми, ежеминутно обмакиваемыми в воду пальцами круглый и тонкий хлеб около $\frac{1}{2}$ вершка толщиной. Затем это тесто кладут на горячую золу, время от времени переворачивая на другую сторону, а потом ставят вертикально у камней очага, пока не спечется. Кяхку едят с маргарином, продажа которого разрешена, а то и без него. Иногда в тесто этих лепешек примешивается мозг только что убитого оленя, или его кровь, отчего кяхку становится значительно вкуснее и питательнее.

Если жарят мясо, то его нарезают маленькими кусочками и бросают в котелок с небольшим количеством воды и оленьего жира, а в случае отсутствия такового — маргарина. Собственно говоря, оленина в этом случае варится, а не жарится, и едят ее ложками вместе с жирным и довольно вкусным соусом, получившимся из воды, жира и навару. Потом опять помногу и часто пьют кофе, который покупается мешками у купцов, жжется же и размалывается самими лопарями.

Вечером готовится ужин: варится оленья мясо — или просто в воде (бульон), или с крупкою («сухпа»). Один из мужчин (на которых лежит обязанность готовить всякую пищу, кроме кяхку) разрубает большим ножом мясо на куски и бросает, не вымыв, в висящий над

огнем котел с водою. Через некоторое время кто-нибудь из мужчин начинает лакомиться: вынимает торчащие из котла кости, разрубает их и ест костный мозг — «каза», очень вкусный и питательный, или выбирает самое нежное мясо, — язык, печень, сердце, обмакивает в навар в котле и отправляет в рот, уделяя часть одной из собак, которые сидят и лежат тут же, внимательно провожая глазами каждый кусок от котла до рта.

Затем большою деревянною ложкой достается остальное мясо и кладется на деревянную круглую чашку — «карри»; если был бульон, то собирают ложкою наварный жир в котле и с ложки, в свою очередь, сдувают его в ковшик, в который обмакивают кусочки мяса перед тем как их съесть. Если же был суп, то его наливают в деревянную миску или ковши, причем из первой едят ложками, а из вторых пьют сухпу непосредственно. Бульон пьют тоже ковшами и кофейными чашками.

Лакомым блюдом считаются свежесваренные колбасы, изготовленные из внутренностей и крови только что зарезанного оленя. Несмотря на то, что эти колбасы жирны, они все-таки, как и мясо, обмакиваются в навар.

Оленьим молоком «мелики» пользуются далеко не все оленеводы; молоко это раз в пять жирнее коровьего, но зато, чтобы получить литр его, нужно подоить 10-15 самок, что отнимает много времени, так как пойманная при помощи аркана самка яростно вырывается из рук держащего ее лопаря, прыгает, отбивается рогами и ногами. Доит обыкновенно женщина в деревянный ковшик с загибающимися к середине краями, чтобы молоко не выплеснулось, если олень как-нибудь толкнет ковшик.

Молоко идет в кофе, а также для изготовления сыра. Этот сыр кусочками бросается в кофе в дороге, когда нет молока. Некоторые семьи оленеводов, пригнав стадо с пастбы к шалашам, загоняют его в огороженное плетнем место. Олени здесь лежат, жуя жвачку, дольше обыкновенного, но зато дают больше молока. Такая изгородь называется «ботсу кореты». Ею пользуются исключительно летом, так как с октября самки перестают давать молоко.

Экономический быт

Общее количество ручных оленей Финмаркена достигает приблизительно 75 000, так что на одного оленевода, которых в Финмаркене насчитывается до 900 человек вместе с женщинами и детьми, приходится 80 с небольшим оленей.

Естественно, что благосостояние кочевника находится в прямой зависимости от размера стада. Если взять среднюю семью [состоящую] из отца, матери и двух или трех детей, то стадо голов в 100 даст возможность существовать, но существование это будет крайне бедственным, с постоянным недостатком в пище и одежде. Семейство же, обладающее еще меньшим стадом, принуждено бывает, обыкновенно, идти в услужение к богатому оленеводу, пася свое стадо вместе с чужим.

Богатым теперь считается лопарь, владеющий от 1000 до 2000 оленей, но таких наберется очень немного; средний достаток определяется стадом голов в 300-600, а к беднейшим относятся семьи, стада которых состоят менее чем из 300 оленей.

В стаде голов в 250 насчитывается 30-50 самцов, до 100 самок и остальные — оленята. Эти 100 самок ежегодно приносят около 100 оленят, и, казалось бы, стадо должно было бы все увеличиваться, но на самом деле оно не увеличивается и не уменьшается, так как прибыль

эта целиком уходит на покрытие убыли стада, образующейся, во-первых, из оленей, зарезаемых для собственной надобности (пища, одежда, обувь) и для продажи, и из оленей, делающихся добычею то волка, то вора-оленевода, то отбивающихся от своего стада и пристающих к чужому. Последнее обстоятельство заставляет кочевника посещать хоть раз в год своих соседей и отыскивать пропавших животных, которые узнаются хозяином по меткам.

Самим оленивом убивается в год 15-20 процентов из всего стада, причем последний процент уже велик и на бюджете отзывается очень тяжело. Так, из стада в 250 голов для своих нужд режется оленей 30-40, на долю волков достается 10-15 и остальные до ста отчасти рождаются мертвыми, частью замерзают тотчас после рождения, отбиваются от стада, угоняются ворами и продаются.

Стоимость взрослого оленя колеблется между 20 и 25 кронами, килограмма мяса между 50 и 65 оре (1 корона = 100 оре = 50 коп.), шкура же старого оленя стоит от 4 до 5 крон.

Некоторые олениводы так далеко от всяких путей зарывали свои деньги, что потом сами не были в состоянии найти их. Лопари говорят, что если кто-нибудь наткнется в горах на два камня неодинакового размера, из которых меньший лежит на большем, то это верный признак, что поблизости зарыт клад.

Среди лопарей существует поверье, что после смерти владельцев клада, места, где он зарыт, в некоторые темные ночи светятся синеватым огоньком. В прежние времена люди пугались этого огонька, но теперь они стали умнее и умеют пользоваться случаем, тем более, что это пламя бывает видно далеко не всем и каждому, а лишь некоторым удачникам. Увидав такое пламя, нужно приближаться к нему, не спуская с него глаз, так как в противном случае пламя тотчас гаснет, затем приблизившись бросить в него кресало — «гасгам», и тогда пламя исчезает, и открывается нора с деньгами. Но если человек, готовясь бросить кресало, вдруг почувствует страх, то из норы показывается или какое-нибудь большое животное, вроде медведя, быка, или угрожающая ножом рука. Поэтому в таких случаях нужно действовать решительно и смело.

Уезжать со своей родины лопари не любят, однако многие из них побывали за границей. Их нанимали всевозможные предприниматели, возили по городам Западной Европы, демонстрируя их самих, обстановку, вообще все стороны их быта. Других нанимало американское правительство, чтобы учить аляскинских эскимосов олениводству и доставлять на прииски почту. Некоторые там остались навсегда, выписали к себе семьи и чувствуют себя на чужбине отлично, владея большими стадами оленей. Американское правительство их всячески поддерживает, дает им хороший заработок, покупает для них оленей с тем, чтобы получить их обратно, когда стадо нарастет. Нарастает же стадо там очень быстро, так как воровства нет. Эскимосы, хотя бы за ничтожную кражу, карают своих смертью.

Однако большинство возвращается в Норвегию, скопив достаточно денег, а то и накопив золота. Так, в Каутокейно был один парень, служивший батраком у богачей. Он отправился с американцами на Аляску, нашел богатые россыпи золота и теперь опять живет в Каутокейно, но уже в качестве «миллионера», в своем доме, окруженном десятком амбаров, пьет виски, бенедиктин и слушает граммофон.

Когда отец семейства умирает, то жена заступает [на] его место в качестве главы семейства, но имущества всего не наследует. В прежнее время жена наследовала половину

олений умершего, и старший сын получал больше, чем остальные дети, теперь же, по норвежскому закону, жене достается, как и прежде, половина стада, а другая половина делится поровну между детьми.

Родившегося в семье оленевода ребенка кладут в колыбель — «кетку». Кетка представляет собой небольшой продолговатый кузов, состоящий из деревянного остова и натянутой на него кожи; та часть кетки, где должна лежать голова ребенка, немного расширена и образует открытую спереди будочку; внутри кетка устилается собачьей шкурой, как очень мягкой и теплою, и особым видом мха, хорошо впитывающим влагу. Кроме того, подушечки, набитые этим мхом, кладутся на половые органы ребенка; [они] отлично вбирают в себя все выделения и, таким образом в колыбельке всегда сравнительно чисто и сухо, нужно лишь время от времени менять мох. Наконец, сверху кетка тоже закрывается мхом, тряпками, и в таком виде носится матерями во время перекочевок за спиною на шнурке или ремне, прикрепленном концами к краям кетки у головы и ног ребенка.

Лопарские дети растут свободно и непринужденно. Физическое воздействие по отношению к детям применяется родителями крайне редко: на капризы их или вовсе не обращают внимания, или ограничиваются одним-двумя окриками, а то просто шуткою или спокойным увещанием, в результате чего дети оленеводов отличаются степенным, покладистым, но в то же время веселым и бойким характером.

Семьи с большим количеством детей встречаются редко, обыкновенно их бывает трое-четверо, стоянки часто состоят из одного-двух шатров. Детское общество многолюдством не отличается, выбор в друзьях невелик, и дети невольно приучаются жить дружно и согласно.

По целым дням играют они в олений и их звонкие голоса одни нарушают утрюмое молчание стоянки: одни изображают олений, стараясь издавать низкие ахающие звуки, другие заливаются собачьим лаем, третьи изображают пастухов, пронзительно, как старшие, кричат на собак, и вся эта группа жизнерадостных ребятинск кувыркается и барахтается в сугробах снега, никогда не доходя до плача и ссор.

Когда мальчик немного подрастет, отец делает ему небольшое лассо, и мальчик настойчиво учится владеть им, забрасывая его на ветки деревьев и кустов, а достигнув совершеннолетия, принимает участие и в уходе за стадом.

Такая замкнутая в своем тесном кругу жизнь не может, конечно, способствовать бракам на почве любви, так как молодым людям приходится видеться очень редко — во время случайных деловых посещений да в большие праздники на погосте.

В характере оленевода сочеталось воедино много черт — как положительных, так и отрицательных, но все они, первые и вторые, носят на себе печать детского простодушия и наивности. Лопарь всегда держится настороже, во всяком незнакомом или плохо знакомом человеке готов видеть недоброжелателя, хитро что-то против него замышляющего; лопарь избегает вступать с незнакомыми в разговор, особенно давать какие-либо обещания, а дав — исполнять их, так что на слово оленевода положиться нельзя. Объясняется это опять-таки его мнительностью: аргументы, представленные другим лицом, скоро бледнеют перед выплывающими опять подозрениями, и лопарь спешит уйти подальше в горы, чтобы не быть вынужденным исполнять неосторожно данное обещание.

Вместе с тем оленевод сам обладает значительною долею сметки и практического ума, и там, где можно, умеет и извлечь всю пользу, пуская в ход все свое лукавство. Но если

пожить с лопарем подольше и относиться к нему справедливо, то всегда почти можно быть уверенным, что и оленевод не станет лукавить и обманывать. В этой черте сказывается не столь давно прошедшее время, когда всякий не свой был для оленевода враг, то спаивавший его и уводивший за бесценку оленей, то собиравший непомерно большие подати и заставлявший его уходить все дальше и дальше в горы на север.

Но наряду с подозрительностью, материальная обеспеченность, уединенная и свободная жизнь выработали в кочевнике характер независимый и даже гордый, что нередко проявляется в жестах и в отношениях к окружающим; заходя по делу к ленсману, оленевод спокойно и с достоинством протягивает ему руку; при торговых сделках ведет себя сдержанно, не набиваясь со своим товаром и на возмущение покупателя, доказывающего, что спрашиваемая цена непомерно вздута, оленевод с полным достоинства и невозмутимости видом отвечает, что «если тебе это дорого, то не бери». У зажиточных кочевников эта особенность характера проявляется иногда очень рельефно: в мерной, неторопливой походке; в твердых, уверенных движениях; в лице, которое всегда остается неизменяемым, на котором даже в минуты сильного раздражения не шевелится ни один мускул; в осмысленном и сильном взгляде — во всем этом чувствуется порода, своеобразный аристократизм, выработавшийся в течение многих поколений кочующего рода.

Попав в дом оседлого соплеменника, оленевод держит себя непринужденно и без стеснения. Если любимая собака с ним, то оленевод разрешает ей улечься на постель хозяина, поближе к подушкам, несмотря на неудовольствие владельца постели. Очевидно, здесь любовь берет верх над сознанием неудобства такого отношения к хозяину. Но в то же время чувство деликатности также есть у оленевода: приглашенный поесть вместе с другими из общего блюда, он перестает есть и бросает ложку прежде, чем все съедено, хотя бы еще не был сыт; получив что-нибудь в подарок, будет стремиться ответить тем же; хотя собаке иногда и предоставляется слишком почетное место, однако хозяин ее в чужом доме, поздоровавшись, занимает место у входа и т. п.

Не чуждо кочевнику и чувство нежности. Проявляется оно не только по отношению к собакам, но и к вещам, не говоря [уж] о людях. Нередко бывает, что лопарь, уезжая из дому на время, дарит своему другу — женщине или мужчине — какую-нибудь вещь: роговой игольник, ложечку, ножницы и т. п., и вещь эта хранится как святыня. Особенно дорожат предметами, принадлежавшими умершей матери и фамильным серебром (ложки, брошки, кольца, пояса, пуговицы, кубки для рома и т. п.), передающимися из рода в род.

В ряду других кочевых племен, лопари особенным гостеприимством не отличаются, хотя и приписывают себе это качество и гордятся им. Может быть раньше, когда оленеводы были богаче, когда им некуда было продавать оленья мясо, — может быть тогда они были и гостеприимны в полном смысле этого слова, но теперь лишнее мясо всегда может быть продано по 50 оре за килограмм, на вырученные деньги можно купить много такого, чего раньше во всем Финмаркене нельзя было сыскать: ткань для одежды (тогда как раньше единственным материалом являлась оленья шкура), муку для лепешек, кофе, ром, наконец, деньги могут быть положены в банк. Естественно, что с изменением условий жизни изменились и черты характера, обусловленные ими. Однако, некоторое подобие гостеприимства осталось еще.

Особенно заметной разницы между образом жизни богатого и бедного оленевода нет. Оба едят одно и то же, одеваются в одну и ту же одежду, исполняют одну и ту же работу. Но, конечно, богатый режет оленей столько, сколько ему нужно, чтобы быть вполне сытым; рому пьет сколько хочет, жена и дети носят серебряные брошки, кольца, украшения на поясе; наконец, девушки скорее выйдут замуж.

Зато, хотя у богатого оленевода немало работников, все-таки работы у него больше, чем у бедного: так, большое стадо несравнимо труднее осмотреть, чем малое, и хотя пропаша нескольких оленей на бюджете нисколько не отзывается, тем не менее она причиняет оленеводу немало огорчений.

Необходимо также следить за работниками, которые иногда очень не прочь пожить добром хозяина, угнав часть его оленей, или поспать слишком много и не уберечь стадо от волков и чужих воров.

Работники набираются по преимуществу из среды оленеводов же, но, конечно, из бедных, обладающих недостаточным для жизни количеством оленей, или обедневших вдруг от падежа или удачного воровства соседа.

Пусто и бедно в маленьком, всем в заплатках шалаше таких лопарей, живущих впроголодь, страдающих от холода в рваных старых песках с вылезшим мехом. Отсюда единственный выход: идти в услужение к богачу, где работник бывает сносно одет и сыт.

Расплата производится натурою; общая ее стоимость в переводе на деньги равна приблизительно 170 кронам в год (около 85 р.) работнику и 110 кронам работнице. Получает же работник следующее: 6 «aldu», т. е. самок, оцениваемых каждая в 20 крон, 1 черную нарядную песку из шкур трехмесячных оленят, кафтан из белого сукна «какть», штаны, летние и зимние башмаки в необходимом количестве и годовую самку.

Прибрежные лопари реже нанимаются кочевниками, так как не умеют обращаться с арканом, лыжами, боятся холода, и во всяком случае не потому, что не хотят: болезненный, полунищий рыбак всегда с завистью смотрит на здорового, уверенного в себе оленевода, у которого и пищи вдоволь, и одежды, и «ромушки», и даже не одна сотня, а то и тысяча крон лежит зарытою в земле или просто в Гаммерфесте в банке.

В старое время копилось исключительно серебро, золото мало распространено среди оленеводов. Оно помещалось в небольшой сундучок эллиптической формы, выкованный из красной меди, по-лопарски «vaikigissa». Зарывается вейкикисса в нору меж камней, в месте, известном только ее обладателю и посещаемом только раз в год. Место это называется «arahavdde». Передвигаясь на лето к морю и подойдя к arahavdde, дожидается лопарь ночи, выбирает минуту, когда в шалаше поменьше народу (даже жена не знает, где arahavdde), и незаметно оставив стоянку, направляется к заветному месту, боязливо озираясь по сторонам, опасаясь злого человека.

Откопав вейкикиссу, раскрыв ее, высыпает лопарь в раскрытый сундучок блестящие талеры, старательно закрывает, кладет на прежнее место, закрывает камнями и удаляется по направлению к стоянке.

С этим способом хранения денег связано немало трагических историй. Так, один оленевод из Карапока повел однажды мужа своей дочери к такому месту, чтобы он, на всякий случай, знал его. По возвращении их в шалаш, жена лопаря стала упрекать мужа, что он не открывает ей тайны местонахождения денег, намекая ему на возможность неожиданной

смерти. «Оба в одну могилу не попадем», — ответил оленевод, указывая на мужа дочери. Через несколько месяцев, лова в фиорде рыбу, оба были застигнуты штормом, лодка залита водою, и оба утонули. А талеры их и по сию пору лежат где-то в горах.

Действительно, сердечная привязанность у оленеводов никакой почти роли не играет, главным основанием заключающихся браков является богатство — деньги или олени. Пускай невеста будет как угодно безобразна, но если она владеет достаточным количеством оленей, в женихах недостатка не будет. Тем не менее у них существует темное представление о том, что брак — не то же, что покупка и продажа оленя, так как невеста не всегда охотно принимает в подарок деньги, а предпочитает получить какие-нибудь вещи из старого серебра: ложки, кубки, брошки и т. п. Принимает девица подарки — значит, ничего не имеет против сватающегося, хотя еще не значит, что она не откажет ему, в каком случае все подарки возвращаются обратно.

Заметив, что девица удовлетворяется полученным, парень, с ее согласия, покупает бочонок рому и приглашает родственников и друзей. То же делает и невеста, у которой обыкновенно устраивается собрание. После того как жених и невеста по знаку выйдут из чума, между партиями их начинается торг, сопровождаемый потчеванием ромом. Партия невесты указывает, что родители жениха малопочтенные люди, сидевшие в тюрьме за воровство; невеста достойна большего. Противники доказывают, что невеста больше чем оплачена. В конце концов сумма определяется, в шалаш призываются молодые, и жених дает невесте установленную сумму денег, которая колеблется между 40–400 кронами и хранится невестою как святыня, как ее неприкосновенная собственность, до самой смерти. На следующий день новобрачная переселяется в шалаш своего господина. Этот момент и есть самый существенный и важный при заключении брака, на венчание же в кирке смотрят как на пустую формальность или даже как на уступку общественному мнению, так что венчание производится нередко уже после появления ребенка.

Собираясь в кирку, невеста оказывает облачающим ее в подвенечный костюм сопротивление: она плачет, жалуется, говорит, что не хочет выходить замуж.

Несколько времени тому назад жених при венчании обвязывался белым шарфом, шедшим от шеи крестообразно по груди назад, невеста же надевала корону. Теперь этого обычая нет.

Супружеская жизнь всегда почти течет мирно. Между оленеводами из Каутокейно случается иногда обмен женами на время, но лишь с согласия последних. Вообще, лопарская женщина очень далека от того положения, которое называется рабским.

Когда оленевод умирает, то труп его кладется в простой, без всяких украшений гроб, и доставляется к кирке, где опускается в общую могилу, вырываемую летом и закапываемую весною, когда земля оттает. Зимой же могила остается открытою. В дохристианский период лопари хоронили своих покойников среди гор, и следы этих могил сохранились до сих пор в виде костей, покрывающих нередко большие пространства.

Жизнь оленевода однообразна и замкнута. Месяцев шесть в году он находится в дороге, передвигаясь с одной стоянки на другую, да столько же времени стоит на месте. Во время переходов ему, конечно, некого принимать и некого посещать. Чаще всего оленевод видится с чужими ему людьми летом у побережья. Здесь нередко лай собак возвещает обитателей шалашей о приближении незнакомца, большею частью морского лопаря, зашедшего в горы

половить рыбки в многочисленных горных озерах. В плохой одежонке, бледноватый, очень часто с красными больными глазами, этот гость мало радует хозяев. Чье-нибудь недовольное лицо выглянет на минуту из шалаша, чтобы узнать причину тревоги собак, и сейчас же скроется, закрыв вход завесой, предоставив гостю самому успокаивать собак, к счастью, очень редко переходящим от лая к действиям. Пришедший же приподнимает завесу и, стоя нагнувшись у входа, осматривая присутствующих, произносит: «Бурра-буйеви», т. е. «добрый день», на что один из хозяев отвечает: «Буррис-буррис» — «хорошо-хорошо», но ни в коем случае [не] теми же словами — «бурра-буйеви», так как это считается дурным тоном, а то просто насмешкою над здоровающимися.

Наряду с пожиманием руки очень распространено и другое приветствие: один из здоровающихся легким и свободным движением правой руки полуобнимает знакомого за талию, произнося: «Буррис», на что другой отвечает: «Буррис-буррис» и полуобнимает первого левою рукою. Приветствие это очень грациозно, в нем много теплоты и сердечности, какие могут быть только между очень близкими людьми.

Если хозяева очень небогаты и долго не приглашают гостя присесть, то последний делает это сам и начинает разговор о том и о сем: о погоде, рыбной ловле, ленемане, престе и других не менее интересных явлениях, терпеливо ожидая угощения сначала кофеем, а потом и жареной олениной, из-за которой он, собственно, и пришел. Но ожидания эти далеко не всегда сбываются, или ограничиваются одною-двумя чашками кофе, да и то без молока. Гость получает кофе не первый: сначала его пьют хозяева и лишь после этого получает гость кофе в освободившейся чашке вместе с большим куском сахара, который весь никогда не съедается и в оставшейся части возвращается обратно. Если гость не хочет больше пить, то опрокидывает чашку на блюдечко вверх дном и тогда ему больше не предлагают.

Другое дело, если зайдет богач. Для него найдется и молоко в кофе, и сыр, и какху с мозгами, и жареная оленина, и язык — любимейшая и нежнейшая пища лопарей.

Оленеводы особенно бывают рады гостю, который может рассказать им что-нибудь интересное. Такой краснобай, попав в компанию, всецело завладевает ее вниманием; когда рассказ особенно захватывает, все общество как бы застывает: один не донес ложки до котла, чтобы помешать варево, другой перестал чистить оленя, у третьего рука с угольком для пипы остановилась на полдороги от огня, все смотрят на рассказчика и ждут конца повести, время от времени восклицая: «Вой-вой!» (восклицание выражающее высшую степень заинтересованности).

Разговорчивость лопаря поразительна: стоит сойтись вместе двум лопарям, и оживленная беседа может вестись с утра до вечера, без намека на то, чтобы тема могла исчерпаться.

Зато иноземец редко встречает радушный прием у оленевода. Здесь на первый план выступают денежные отношения, стремление получить побольше крон. Виноваты в этом, если не всецело, то в весьма значительной мере туристы, не задумываясь бросающие большие деньги за всякий пустяк.

Нередко случается, что иноземец, попавший с проводником в жилье другого лопаря, ничем не угощается, тогда как проводнику тотчас подносится чашка горячего кофе, столь желанного и приятного в дороге.

Зимой лопарь живет еще уединеннее, и почти единственные посетители его в это время — свои же олениводы. Время проходит весело. Хозяин то и дело прикладывает к бутылке с ромом, передавая ее затем гостям. Чем больше выпивается, тем разговор становится беспорядочней, шумней. Некоторые начинают петь, вернее, выкрикивать меланхолическую, бесконечную мелодию, имеющую очень много общего с лаем собак, состоящую из таких же отрывистых, однообразных звуков; слов определенных нет — лопарь поет о том, что он видит, что его в данную минуту занимает: натывается он на след волка — поет о волке, починает кересь — о кереси; иногда вместо слов, он тянет без конца «уа-уа-уа-о-о-о-о-уа-уа-уа-о-о-о» и т. п. Выпивший, он очень редко буйнит, он лишь делается еще болтливее и готов без устали петь свою единственную песню.

Отправляясь в дорогу, лопарь непременно сунет за пазуху бутылку с ромом. Заметит едущий сзади, что у переднего голова слишком часто закидывается назад, он тотчас энергично подгоняет своего оленя, сравнивается с товарищем и многозначительно кивает ему на пазуху. Это замечается другими и скоро вокруг обладателя бутылки собирается целое общество.

Продажа спиртных напитков разрешена в Норвегии лишь в некоторых городах. Тем не менее, тайная торговля процветает. В горах иногда попадаются одинокие жилища богатых оседлых лопарей-горговцев, куда со всех сторон стекаются олениводы и где их всегда много. Это своего рода рестораны, в которых время проводится очень весело, где ромушки пей сколько хочешь, где можно вдосталь наговориться, наобниматься с соседом, попеть ему, вообще найти свою интересную компанию.

Погуляв сутки в такой кабачке, оленивод возвращается домой, имея в запасе количество рому, достаточное, чтобы устроить себе еще один веселый денек. Затем он опять возвращается к повседневной работе, ожидая нового случая побывать у гостеприимного кабатчика. Миссионер Нильсен, много лет работавший среди лопарей, рассказывал, что застав однажды всех обитателей стоянки пьяными, он на другой день принялся стыдить их, и все слушали его молча, покорно опустив головы, выражая этим полное раскаяние; но, конечно, попадись ему (лопарю. — А. З.) завтра добрый товарищ, и он опять напьется до полусмерти. В старое время, когда торговать ромом имели право местные купцы, вокруг жилища такого купца постоянно валялись полумертвые тела олениводов, пропивавших оленя за оленем все стадо и шедших после этого или в батраки, или к морским лопарям. Теперь эти времена прошли.

Особенно широкий размах принимает пьянство после окончания ярмарки в Боссэкот, на берегу Альтен-фиорда, которая длится с неделю, начиная с первых чисел декабря. Сюда стекается масса народу со всех мест. Бесконечными вереницами тянутся тяжело груженные «райды» — грузовые кереси — по замерзшим речкам, лучшим путям в зимнее время, везя олени шкуры, мясо, замороженных куропаток, которых ловят при помощи силков сотнями и тысячами. Райды движутся из всех мест Финмаркена, из Северной Швеции и даже из Финляндии: из Еноре, Таны и других мест.

Через неделю те же вереницы оленей и райд змеются обратно, везя мешки с мукою, кофе, сахаром, материей, бочонки рому, расходящиеся по всей округе. Долго после этого идет гульба в горах; везде можно наткнуться на шатающихся и валяющихся лопарей, отдыхающих подолгу на каждой стоянке, в каждом уединенном жилище рыболова.

Среди оленеводов очень распространено воровство, а чаще — укрывательство оленей. Случается, что один-два оленя отстанут от стада и попадут в чужое или в стадо ворвется волк и угонит его далеко в сторону, где оно смешивается с первым попавшимся ему на дороге, или, что всего хуже, разбивается на несколько групп, соединяющихся с разными стадами. И вот владелец отправляется на поиски, переходя от одной стоянки к другой. Между тем олени его уже зарезаны и все соседи уверяют, что они ничего не слышали и не видели. В таком случае ищущий осматривает шкуры, и если ему попадется еще не высохшая шкура с отрезанными ушами (которые всегда мечены), то это признак очень подозрительный, нередко побуждающий виноватого сознаться, возместить потерпевшему убытки натурой, т. е. оленями, и помириться. Но бывает, что виновный упорствует, не сознается в проступке или настолько беден, что не может отдать столько живых оленей, сколько зарезал, и тогда дело оканчивается тюрьмою в Тронхейме или Христиании.

К тюрьме оленеводы относятся с уважением и называют ее «Академией», так как путешествие в тюрьму дает им много новых сведений, расширяет, так сказать, их кругозор. Один из оленеводов, держащийся особенно горделиво, на вопрос: где он был, отвечал, что он гостил в Христиании у профессора Фриса и обучал его лопарскому языку. Фрис же, действительно, посещал его в тюрьме и пользовался им при своих работах по лопарской этнографии.

Отбившиеся от матери и стада оленята, которых лопарь не успел еще пометить, считаются оленеводами не принадлежащими никому, и всякий имеет право пометить их своими, хотя бы у пойманного не было ни одной самки.

Оседлые лопари Финмаркена и Финляндии

Оседлые лопари Финмаркена и Финляндии могут быть подразделены на три группы: на речных, морских и оседлых оленеводов.

Речные лопари живут, главным образом, в трех селениях: Карашоке, Каутокейно и Польмаке. Из всех этих поселков наиболее многолюдным является Карашок. В первой половине XVIII столетия, на том месте, где теперь рассыпались его строения, обосновалось несколько выходцев из Финляндии, привлеченных сюда обилием семги в речке Карап-йокки. По окружавшим этот поселок горам кочевали полудикие оленеводы. У некоторых из них от разных причин — повальных болезней, суровых зим, когда оленю не добраться до мха, гибли целые стада оленей, а с этим кочевая жизнь теряла всякий смысл, и оленевод или шел в батраки к богачу, или оседал на берегу моря или речки и начинал заниматься рыболовством. Такие разорившиеся номады стали понемногу устраиваться по соседству с финляндскими колонистами, родниться с ними, учиться у них ведению молочного хозяйства, более совершенным приемам рыболовства, охоты и другим промыслам. Место оказалось выбранным очень удачно: в реках водилось много прекрасной семги, для скота травы было сколько угодно: его густо заросли берега речки; кругом шумел густой сосновый бор, дававший возможность строить большие, просторные дома, охотиться на зверей и птиц.

Постепенно увеличиваясь, число оседавших здесь лопарей значительно превзошло число финляндских колонистов, финская речь и костюм были мало-помалу вытеснены лопарскими, и теперь весь Карашок говорит на языке оленеводов, носит их костюм и находится

с ними в тесной родственной связи. Только высокий рост, сравнительно малое выступание скул, не столь резко выраженный косой разрез глаз и знание очень многими финского языка говорят о присутствии в них чужой, не лопарской крови.

Теперь Карашок большое селение, состоящее более чем из 50 дворов с 350 (приблизительно) душами обоих полов. Оленеводов к нему приписано до 50 семейств, состоящих в общем из 200 человек, т. е. на каждое семейство приходится около четырех человек.

Дома Карашока рассыпались в беспорядке по полуострову, образованному изгибом речки; два-три жилья выросло на другом, левом берегу. Из кучи домов, разбросанных по полуострову, пестрою группою выделяются старая, выстроенная в 1807 году кирка, голубые хоромы ленсмана, красные — пастора, желтые — одного купца и серые — двух других; почта, большое, новое здание школы и возвышающийся над всею этой группою норвежских строений высокий шест с красивым национальным флагом — крест из голубых и белых полос по красному полю. Живется карашокцам очень привольно: дома их просторны, состоят нередко из 2-3 комнат, не считая мезонина, внутри чисто прибраны, отдают достатком; крыльцо и сени расположены почти всегда посреди. Из сеней две двери ведут в правую и левую половины. Почти у всех заведены чугунные плитки. В некоторых, немногих домах сохранились старинные очаги, сложенные из самодельного кирпича и камней, устраиваемые обыкновенно в заднем, левом от входа углу; над местом для огня складывается довольно высокий свод постепенно переходящий в трубу, в сильные холода закрываемую снаружи камнем. Над плитой и около [нее] прибиты к стене полки, вдоль стен устроены скамейки, один-два стола, необходимое число кроватей, несколько самодельных стульев или табуретов; многие пользуются висячими столовыми лампами (ими не пользуются только в домах с очагами, огонь которых хорошо освещает всю внутренность комнаты). На столе довольно часто можно увидеть швейную машину.

Промыслы карашокцев крайне разнообразны. Зимой, с установлением санного пути они доставляют своим купцам с моря товары, которыми снабжается весь восточный Финмаркен. Это мешки кофе, муки, сахару, тюки всевозможных материй и другие необходимые населению вещи; привозят и отвозят должностных лиц из Альтен и Порсангер-фиордов, причем с первыми вследствие неровности пути, сообщение возможно исключительно при помощи оленей; некоторые занимаются плотничьим ремеслом, кузнечным; немаловажным пособием является охота, главным образом на куропаток (при помощи силков) и на лисиц (при помощи ловушек). Куропаток здесь водится несметное количество, они улавливаются многими тысячами, доставляются на ярмарку в Бесэкоп и продаются здесь норвежским купцам. Несмотря на обилие этой дичи, лопари с неудовольствием смотрят на норвежцев, охотящихся за куропатками, говоря, что Бог весь Финмаркен отдал им, лопарям, и что норвежцы грабят их.

Из ловушек своею простотою и остроумием отличается одна: это бревно высотой аршина 2,5-3, укрепляемое вертикально в землю; верхний конец его расщеплен и к одному из расщеплений привешивается кусочек мяса; лиса прыгает, стараясь схватить его и застревает лапою в щели меж двух, иногда трех разветвлений.

Если ловушки и силки расставлены далеко от дому, то охотник на ночь приворачивает в один из дорожных домов — «fyeld-stue», содержимых за счет государства и выстроенных

по всем главным дорогам Финмаркена на расстоянии 40–60 км один от другого. В «stue» есть постоянный сиделец, обязанный содержать дом в чистоте (чистую — норвежскую и черную — лопарскую половины), иметь запасы провiantа, дров, посуды, нередко — постельного белья и предоставлять все это путешественникам по определенной таксе.

Снаряды осматриваются охотниками ежедневно, иногда реже. Суток через пять, захватив добычу, промышленники возвращаются домой, нередко с одним-двумя оленями для убоя, купленными у стоявшего недалеко от «stue» оленевода.

Дома у мужчин работы очень немного: напилить да наколоть дров, привезти сена, хранящегося в стогах на реке и лесных полянах, повязать сеть к лету, поплотничать немного, подправляя и приводя в порядок строения — вот те несложные обязанности, которые несет на себе лопарь из Карашока. Остальное время проходит в болтовне, лежании на кровати, питье, еде. В воскресенье у кого-нибудь из «кристалиш» устраиваются собрания, где такой «истиинноверующий» поясняет присутствующим Св. Писание, верные догмы секты последователей Лестадиуса, к которым принадлежат все карашокцы, совершенно не посещающие кирки.

Зато у женщин нет свободного времени. Они работают с утра до поздней ночи, то доя коров, то готовя им и овцам корм, выделявая оленьи шкуры, занимаясь шитьем одежды и обуви, варкою пищи, печением хлеба или круглых плоских лепешек «кахку»; суетятся и возятся весь день, не давая себе ни минуты покоя. Изготовление тканей не очень распространено, так как значительная часть одежды шьется из оленьей шкуры и материй фабричного изготовления. В настоящее время здесь пользуются обыкновенным ткацким станком, в недавнюю же сравнительно пору был в употреблении стан, основа которого натягивалась рядом камней и, как и весь ткацкий станок, находилась в вертикальном положении («фраудну стоуляк»).

Неравномерному распределению труда способствует, может быть, зимняя темень, когда в продолжение двух с лишком месяцев солнце не показывается из-за гор и полдневный свет, слабый и непродолжительный, быстро уступает место долгой ночи.

Но вот прошла зима, весна; солнце совсем не скрывается из виду, сутки за сутками описывая полные круги над землею. За две недели стает весь снег, на лугах вырастает трава, на деревьях — листья, и сразу налетает масса всяких птиц. С этим начинается пора рыбной ловли, и Карашок пустеет, переселяясь со всем хозяйством — коровами, овцами и лошадьми — на места рыбных промыслов, лежащие в 10–15 км вверх по речке Караш-йокки. Называется это место Ассэбактэ. Здесь выстроено несколько небольших домиков с необходимыми пристройками для скота, пустующих в зимнее время, но очень оживленных в летнее. Мужчины спешат наловить да насолить побольше семги, женщины же спешно заготавливают масло, сыр, вообще ведут домашнее хозяйство. Немало трудов и времени отнимает заготовка сена.

Кончилось лето, — и карашокцы перебиваются обратно, запасшись рыбою и молочными продуктами, что делает их пищу разнообразною и здоровою. В то время как оленевод питается почти исключительно олениной и кофе, морской лопарь — рыбою и кофе, речной лопарь из Карашока питается и тем, и другим с прибавкою масла и сыра. И, тем не менее, карашокцы втайне завидуют оленеводам, несмотря на то, что с усмешкою называют

их дикими зверями. Когда с наступлением зимы, точно отдельные отряды какой-то большой армии, проходят кочевья мимо Карашока, направляясь к югу, гоня перед собою многоголовые, спешно движущиеся стада оленей, наполняющих морозный, тихий воздух своим грудным, басовым «ах», сопровождаемым лаем собак, звонко разносящимся по лесу, подгоняемые раскатистым «го-го-го» пастуха, пользующегося случаем полюбоваться переливами своего мощного голоса, породить долго не умолкающее лесное эхо, — когда эти веселые, свежие звуки донесутся до слуха карашокцев, то они гурьбою — и старые и малые, мужчины и женщины — выбегают на крыльцо, ежась и дрожа от стужи, с молчаливым любопытством и завистью смотрят на исчезающих в лесу вольных кочевников и долго прислушиваются к гулким окрикам пастуха, лаю псов и скрипу снега под сотнями копыт.

Другое селение, Каутокейно, несравненно меньше Карашока. Десятка два его домов, из которых около половины принадлежит норвежцам: ленсману, пастору, купцу, учителям, и около половины — оседлым лопарям, разбросаны по обеим сторонам речки Каутокейно, в этом месте расширяющейся в озеро, причем некоторые отстоят один от другого на километр и более. Пустынные, отлогие горы раздались во все стороны от этого убогого селения, не защитив его от ледяющего зимнего ветра, от ужасных по своей силе снежных ураганов. Только вокруг двухсотлетней, покривившейся кирки на невысоком холме приотилось в ограде несколько плакучих березок; кое-где в лощинах попадаются поросли этого деревца, но они имеют больше вид кустарников, чем леса. Невдалеке от кирки, пониже ее, устроились ленсман, прест и купец, по другую сторону речки виднеется красное, неуклюжее здание школы, еще пара норвежских домиков и кругом [и] их маленькие тесные жилища лопарей, за отсутствием леса не имеющие возможности обстроиться сносно.

К Каутокейно приписано сверх 500 оленеводов (душ обоих полов), владеющих в общем 33 000 оленей. Передвижение к берегу начинается приблизительно в конце мая, прерываемое иногда на то время, когда появляется приплод в стаде. Впрочем, несколько семейств остается и на лето внутри Финмаркена.

Пастбища, принадлежащие оленеводам этого района, прекрасны, но часто раздаются жалобы на тесноту. Побуждаемые ею, некоторые кочевники выхлопотали у амтмана разрешение переписаться в Карашок, население которого смотрит на это очень косо.

Оседлые лопари в Каутокейно чрезвычайно перемешаны с финнами и говорят как на своем, так и на финском языке. В культурном отношении они стоят ниже карашокцев, что объясняется преобладанием кочевого элемента над оседлым и большею отдаленностью от норвежцев и финляндцев. Занимаются они рыболовством, доставкой на оленях почты, товара, держат немного скота и ловят силками куропаток.

Каутокейно по-лопарски называется «Guovdda-goeidno», что значит «середина пути». Действительно, отсюда до Карашока около 18 миль (норвежская миля 10 км), столько же на север до Альтен-фиорда и столько же до Муониониски (Финляндия).

Третье селение речных лопарей, Польмак, лежит на реке Тане в нижнем ее течении. Так же, как и в других местах, здешние лопари ведут полукочевой образ жизни, летом переселяются на места рыбной ловли. По национальности они наполовину финны, наполовину лопари, приветливы, хорошо сложены, носят красивый костюм.

Кроме указанных трех пунктов речные лопари живут еще во многих местах, как, например, в Лаксельвене, в Альтене, в Порсангере и др.

Морские лопари произошли, конечно, от оленеводов, по каким-либо причинам лишившихся своих стад. Причины бывают разные: и стая волков, и смелый вор, и суровая, снежная зима, и болезнь. Нет оленей — значит, нужно или идти в батраки к богачу, или оседать на берегу моря. Горько и тоскливо кочевнику покидать родные горы и навсегда прощаться с вольною любимною жизнью. Нужно селиться у океана, приниматься за чуждую, несвойственную натуре работу. Начинается бедственная жизнь — хронический голод и холод. Ни денег, ни леса для постройки сносного жилища нет, и потому лопарь сооружает себе землянку — «гамми». Гамми бывает трех видов. Из них наиболее простым является тот гамми, который строится на местах рыбных промыслов и в котором живут временно. Это ничто иное как земляной шатер с небольшим входом сбоку и отверстием вверху для выхода дыма от раскладываемого посредине огня. Второй вид несколько сложнее, благоустроеннее, и в нем живут постоянно. Постройка такого жилища — дело очень нехитрое: топор да лопата — вот и все инструменты в доме. Прежде всего выбирается тихое, защищенное от ветров место (конечно, на берегу фиорда), очищается четырехугольная площадка длиною метров 5-7 и шириною метра 3-4, возводится легкий деревянный скелет и насыпаются четыре земляные стены высотой около 2 м и толщиной в основании до метра, причем кверху эти стены утончаются. Вместе с землею кладутся и камни, чтобы землянка не была разрушена штормом. Затем на стенах укрепляются выгнутые деревянные поперечины, на них кладется береста и все вместе обкладывается дерном, так что снаружи такой гамми имеет вид маленького холмика. И действительно, нередко случается, что путешественник, высматривающий жилище, где бы укрыться от непогоды, проезжает мимо гамми, не замечая его, и наоборот — привертывается к простому возвышению, принимая его за гамми. Только пара-другая тощих овец да столь же худая корова, выщипывающие по утесам редкую траву, свидетельствуют о находящемся где-то поблизости человеческом жилище.

Внутри ведут две двери, между которыми находится нечто вроде сеней. С трудом нащупываются в совершенной темноте вторые двери. За ними человек вступает в единственную комнату, в которой живут вместе люди и животные (коровы, овцы); для последних в ближайшей ко входу части комнаты устроены тесные клетушки, в которых животные и находятся в продолжение всей зимы. Естественно, что к концу ее они страшно тощат и слабеют, а то и умирают, так как даже хозяева всегда полуголодные.

Посредине из нескольких камней устраивается очаг; с двух сторон его укреплено по вертикальному столбу, и на них кладется перекидина для подвешивания котлов и кофейников; над очагом в своде имеется круглое отверстие для выхода дыма; в сильные холода на ночь оно закрывается деревянною или каменною крышкою; днем же пользуются деревянною рамою или обручиком с натянутой на них тонкою, пропускающею свет перепонкою из кожи или пузыря. В противоположном входу конце комнаты хранятся припасы, посуда и другой скарб. Вход устраивается или в середине длинной стены, или короткой, причем двери захлопываются сами. Грязно, темно и мрачно в таком жилище. Воздух насыщен тяжелым запахом находящихся здесь же животных, их экскрементов; собранного летом сена никогда не хватает; приходится варить рыбы головы, и вся комната переполняется паром и дымом. Хозяева носят холодную изодранную одежку, питаются далеко не достаточно, главным образом рыбою с прибавлением незначительного количества молока, хлеба да изредка картофеля. Все это очень

отражается на обитателях землянки, на бледных лицах которых всегда написано недовольство, пришибленность. Какая-то странная тишина царит в таком жилье, лишь изредка нарушая коротко произнесенными себе под нос словами, вздохом молча сидящей старухи, клокотанием варева в котле да неожиданным блеянием овцы или мычанием коровы. В таких полуничьих семьях прочно гнездятся чахотка и другие аналогичные болезни, кося одного за другим всех членов.

Наконец, третий род гамми значительно благоустроеннее. Вход находится посередине большой стены и делит жилище на две половины — левую для людей и правую для скота. В первую половину можно попасть лишь из второй, через другую дверь. Стены, пол и потолок в людской половине дощатые, в стене имеется одно, иногда два маленьких окна со стеклами. В конце, противоположном двери, стоит стол, один-два обрубка для сидения, по бокам устроены нары, реже — кровати. В правом от входа углу установлена чугунная плитка с дымоотводом. К стенам прибито несколько полок для посуды с молоком; на столе чашки, кофейник, миски. На нарах валяются овчины, одежда.

Освещается комната всячею жировою лампою — «куадпо», представляющею из себя плоский железный четырехгранный сосудик с жиром, из которого свисает вниз фитиль. Железною петлею лампа подвешивается к стене.

Неподалеку от гамми всегда почти имеется деревянный амбарчик на четырех столбиках. В нем хранятся сети, мука, сушеная рыба, праздничная одежда, если она есть, и многое другое, в чем не ощущается ежеминутная потребность.

В последнее время гамми встречается все реже и реже: его место заступают небольшие деревянные домики норвежского образца, с одною или двумя комнатами; в гамми же держится только скот.

Пища морского лопаря состоит главным образом из рыбы, затем молока, масла с хлебом и иногда картофеля. Вообще она очень однообразна и скудна. Если пекутся хлебы, то первый из них хранится до печения нового и бросается в новое тесто. Хлебец этот бывает незначительного размера и называется «йеста».

Приобрести бот и сети может далеко не всякий морской лопарь, и многие бедняки нанимаются поэтому к более состоятельному, владеющему всеми рыболовными принадлежностями. Работник, нанятый на весь год, получает за год около 150 крон деньгами и кроме того необходимую одежду, харчи и квартиру. Работница за то же время, но работающая лишь в доме, получает деньгами лишь 10 крон и одежду, харчи и квартиру.

Если работник нанимается лишь на время рыбной ловли, то вырученная от продажи рыбы сумма делится на число участников плюс 1: например, если на боте всех людей с хозяином 4, выручено 500 крон, то 500 делится на 4+1: хозяин получает свою часть — 100 крон, 100 крон отчисляется как бы в пользу неодоушевленных участников дела — бота и сетей, но берется эта часть, конечно, хозяином; затем из причитающихся на долю каждого работника 100 крон хозяином берется по 50 крон за харчи и за сети как их владельцем. Таким образом, работникам достается лишь по 50 крон. Если на боте есть работник, нанятый на весь год, то его часть целиком присваивается хозяином. У работника, взятого лишь на рыболовный сезон и имеющего свои харчи и сети, половина части не вычитается.

Подать взимается в размере 5 % с годового дохода; так, если корова дает молока и масла на 60 крон, то за корову платится 3 кроны. Из дохода вычитается для каждого ребенка 100 крон

и плата слугам, и 5 % уплачивается лишь с остального. Таким образом, если доход равен 1000 крон, детей в семье 2 (-200 крон), работники стоят 400 крон, то 5 % взимается лишь с 400 крон. Оленеводы обложены податью приблизительно по такой же расценке — числу голов в стаде, которое определяется приблизительно. Часть подати, около половины, иногда $\frac{2}{3}$, идет в сельскую коммуны на содержание школы, бедных и на другие потребности.

Бездомные старики и больные берутся по желанию одним из состоятельных лопарей и пользуются в доме последнего всеми правами наравне с остальными членами семьи. Расходы оплачиваются коммуной. Наряду с этим существует особая касса, из которой выдаются ссуды наиболее бедным семьям.

В культурном и нравственном отношении морские лопари стоят много выше оленеводов: они обходительнее последних, мягче, честнее, на слово их всегда почти можно положиться; лицо осмысленнее, в выражении его меньше лукавства и беспокойства.

К третьей группе оседлых лопарей Финмаркена относятся оленеводы из Польшама и Варягского полуострова. Они живут в постоянных деревянных домах, держат домашний скот и ведут молочное хозяйство. Олени их летом свободно пасутся в горах, ограждаемые морем, реками и отвесными утесами. Чтобы олени из Варягского полуострова не проникали за его пределы, поперек перешейка, соединяющего полуостров с материком, от Таны до Варангер-фиорда устроена изгородь. Тем не менее много оленей пропадает.

Собирают разрозненное стадо осенью. В это время шалашом не пользуются, а спят или на земле, или у рыбаков. На зиму стадо угоняется на южную сторону Варангер-фиорда, где растут леса и оленю легче добывать мох.

К последней группе можно отнести и лопарей Финляндии. Они живут в лесистой, изобилующей реками и озерами местности; дома их просторны, содержатся чисто; потолка нет, но крыша ни дождя, ни ветра не пропускает; в углу имеется сложенный из камней очаг с каменной же трубою; освещается комната огнем очага, реже — лампою.

Костюм тот же, что и у лопарей Финмаркена, только сшитый несколько более в талию и больше изукрашенный цветными нашивками.

В пищу употребляется главным образом оленина, рыба, молоко, масло, картофель и хлеб.

Летом олени предоставляются самим себе, а к зиме, по возможности, собираются и держатся вместе. Если стадо небольшое, то оно нередко загоняется в хлев и питается сеном и замороженным мхом. В некоторых местах оленей впрягают наподобие лошади в сани. Иногда оленем пользуются для передвижения на лыжах: лыжебежец держится за ремень, при помощи которого животное и тащит его.

Финляндские лопари много симпатичнее норвежских: они очень гостеприимны, бесхитроутны, честны. Наружность их также довольно привлекательна: они сравнительно высоки ростом, хорошо сложены, стройны, выражение лица добродушное и доверчивое. Как и норвежские лопари, все они грамотны и принадлежат к секте лестадиан.

Всевозможные суеверные представления играют еще крупную роль в мировоззрении лопаря. Со всех сторон его окружают злые духи, которые зорко следят за ним, не спускают с него глаз, ожидая удобной минуты, чтобы причинить ему какую-нибудь неприятность, более или менее значительный вред. Вся окружающая его природа — и мертвая, и живая — полна предчувствиями будущего и выражает их тем или другим образом; между всеми явлениями

существует какая-то мистическая связь, и лопарь находится в вечном страхе, отыскивая во всем происходящем особый, таинственный смысл. Беременная женщина не должна ложиться спать одна, так как подземные существа могут во время сна ее вырезать плод, и проснувшаяся женщина будет чувствовать себя совершенно здоровою и невредимою. Иногда лопарю доносится из темноты плач ребенка: это тайно прижитый и убитый матерью без крещения ребенок молит прохожих об имени. Испуганный прохожий спешит дать дитяти какое-нибудь имя, и оно успокаивается.

Если кто-нибудь, отправляясь на рыбную ловлю, встречает на дороге из дому к морю женщину, то это признак очень нехороший. Воющая вслед кому-нибудь собака тоже предвещает мало хорошего. Возвратившись с рыбной ловли, никогда не следует хвалиться удачею, хотя бы улов был и очень обилен, так как в следующий раз можно ничего не привезти. Очень осторожным должно быть с покойником до церковного звона, так как до этого времени он все слышит, что ни говорится и ни делается вокруг него, и если кто-нибудь отзовется о нем плохо, то покойник всегда сумеет отомстить за себя. На этой почве между живыми людьми и покойниками происходили и происходят значительные недоразумения и неприятности.

Велико обаяние и знахарей. В их распоряжении имеется чудодейственная сила, с помощью которой они могут и помогать, и вредить людям. Автору этого очерка самому пришлось наблюдать, насколько легко сознание лопарей склоняется в сторону объяснения всего непонятого сверхъестественными силами, заложенными в некоторых людях. Находясь в обществе лопарских девушек, он, шутя, сказал одной из наиболее красивых, что она, наверно, скоро выйдет замуж. Неожиданно случилось, что через несколько дней эта девушка, действительно, сделалась невестою. В этом совпадении была усмотрена таинственная связь, и вот к проводнику приходит незнакомая лопарка и убеждает его попросить господина о помощи: у нее муж за воровство посажен в тюрьму, так нельзя ли вернуть потерянное, то есть мужа.

Многие носят амулеты. Иногда это медный кружок с выпуклым изображением очень характерного лица, какое бывает у многих идолов («снейты»), иногда — серебряный, иногда это просто кусок серебра, неизвестно когда и откуда попавший в руки лопарей. Если оленевод собирается много работать рукою, так что она может заболеть, то в предупреждение боли лопарь носит на правой руке в качестве как бы браслета оленью жилу — «виеднан-суодна».

В случае болезни применяются разные домашние средства, которые или считаются полезными, или действительно помогают. Так, если болит сердце, то пьют свежую горячую кровь только что зарезанного оленя. Когда на теле от ушиба или от другой причины появляется пятно и чувствуется боль, то на это место кладут «дуовле» — кусочек гриба с березы, сжигают его до конца и, посплотив, растирают. При головной боли дуовле сжигается на голове, отчего у многих есть маленькая плешка. Это же средство применяется и при зубной боли. На случай последней рекомендуется иметь иголку, которою шили одежду для покойника: чтобы боль прекратилась, нужно только поцарапать ею десну в пораженном месте до крови. Если в какой-нибудь части тела ощущается боль от усталости или собирается испорченная кровь, то место это омывается теплою водою, чтобы кровь «живее двигалась», а затем к нему присасывается кровь с помощью коровьего рога — «кохпачуарви»; после этого специальными железками — «кохпакшу» на[д]секается в нескольких местах кожа, и выступающая кровь опять высасывается рогом и выплевывается. Если рог крепко присосется к телу, то вокруг его навязывается на тело теплая перевязь. Это же средство употребляется и при онемении каких-нибудь органов.

Секта последователей Лестадиуса

Действительными христианами в настоящем значении этого слова лопарей, особенно кочевых, назвать, конечно, нельзя: ими усвоена лишь формальная сторона христианства. Больше того, среди оленеводов иногда замечается полное равнодушие к религиозным вопросам, точно они вовсе не имеют религии, потеряв веру в старых богов и не проникнувшись еще новыми религиозными представлениями. Случается и так, что суеверные, фантастические сказания самих лопарей принимаются с полным доверием, тогда как рассказы из библейской истории встречаются иронически и недоверчиво.

Все нерусские лопари исповедуют лютеранство, но очень немногие — ортодоксальное лютеранство; большинство же принадлежит к секте последователей Лестадиуса, бывшего пастором в шведской Лапландии, в селении Каресуандо на границе между Швецией и Финляндией, где последняя тупым клином вдавляется в Скандинавский полуостров. Проповедовать новое учение Лестадиус начал в конце первой половины прошлого столетия. Пламенными грозными речами хотел он отвлечь лопарей от пьянства, пробудить их от духовной спячки. Чтобы сделать себя понятным, Лестадиус стал прибегать к помощи мрачных и страшных изображений, которые не могли не повлиять на такой нервный и чуткий народ, как лопари. Лестадиус говорил, что если на человека нисходит свет законов горы Синая, он должен невольно издать крик ужаса; если его осеняет евангельский свет — крик радости. И, действительно, во время его проповеди в кирке ли, в частном ли домике или в уединенной молчаливой стоянке оленевода делалось нечто невообразимое: то тот, то другой из слушателей начинал вдруг издавать дикие крики, производить конвульсивные, судорожные движения, как отдельными членами, так и всем телом; начинался плач, рыдания, сопровождаемые объятьями, танцами с пеною у рта, причем некоторые даже падают в обморок. Иногда подымался такой всеобщий рев и вой, что даже громовой голос Лестадиуса не мог успокоить до нельзя взвинченных лопарей. Такие излияния чувств проповедник считал несомненным признаком нисшествия на присутствующих Св. Духа и не только не запрещал слушателям кричать и плясать во время проповеди, но даже поощрял их к этому и радовался, глядя на подупотерявших сознание людей. По его убеждению, пробудившееся духовное движение не может скрываться, не может молчать; только с духовной смертью связано гробовое молчание: никто не вздыхает, никто не плачет, никто не жалуется, не издает крика ужаса или радости. Далее Лестадиус учил, что Священное Писание — только мертвая буква и остается таким до тех пор, пока не истолковано истинными христианами, т. е. такими, на которых нисзошел Св. Дух. А так как под истинными христианами разумелись исключительно сектанты, то отсюда следовало, что духовно можно возродиться, только слушая проповедников лестадианства, которые ошибаться не могут, так как они осенены высшею благодатью.

Лестадиане признают существование двух царств: царства греха и смерти, царства дьявола, к которому принадлежат все нелестадиане, и царства Христа, истинно христианского царства всепрощения и любви. Для вступления в секту, для перехода из царства дьявола в царство Христа требуется открытое публичное признание всех заповедей и учений секты в соединении с обниманием с каждым истинно верующим, по-лопарски — «кристаляш», по-норвежски — «troende», прося при этом отпущения грехов. Такие объятия у женщин нередко сопровождаются конвульсивными движениями, криками и даже потерей сознания.

У лестадиан есть свое собственное приветствие, состоящее во взаимном полуобнимании. Приветствие очень изящное, в нем много красоты и грации.

Учение это, пожалуй, не распространилось бы так быстро по всему Финмаркену, если бы не нашло для себя восприимчивой почвы в особенной черте психики лопарей, присущей всем народам Севера — способности на несколько минут совершенно забываться, делаться как бы помешанным, чаще всего под влиянием испуга. В эти мгновения лопарь хватается что ему попадет под руку — топор, камень, палку и с бешенством начинает рубить и бить все, что поблизости: людей, животных, посуду и другие предметы. Очнувшись, лопарь ничего не помнит; он кажется проснувшимся от сна, или пришедшим в себя после глубокого обморока.

Состояние это, как уже было упомянуто выше, хорошо известно лопарям и они имеют для него особое слово — «likkatusak». Вероятно, это именно тот экстаз, в который приходят шаманы во время своих действий.

В секте есть немало известных, всеми почитаемых проповедников. О них говорят всегда с особенным, почтительно-серьезным и многозначительным видом, к словам их внимательно прислушиваются, в дороге с них никогда не берут денег за постой, за мох для оленей, за пищу, к ним обращаются за отпущением грехов, за «объятъем», приглашают в собрания для проповедничества. И лица эти чувствуют и принимают как должное такое отношение, держатся гордо и с сознанием своего величия. Из этих проповедников наибольшей известностью пользуется некий паромпик из Гиттили в Финляндии. Он не ограничивается своею округою, а совершает поездки далеко за ее пределы: в Норвегию — Карашок, обыкновенно на Рождество. К этому времени в Карашок стекается народ со всех сторон, главным образом олениводы — как для того, чтобы послушать проповедника, так и для того, чтобы продать кое-что и попить ромушки.

Собрание происходит в специально для этого выстроенном здании. Об этом позаботились сами карашокцы, так [как] все они лестадиане и в здешнюю кирку никогда не ходят.

Проповедники говорят целый день с небольшими перерывами для кофе и перекусывания: устал один говорить, его заменяет другой. Одна проповедь ведется на финском, другая — на лопарском языке, третья — переводится толмачом с финского на лопарский. Темой служит любой текст из Священного Писания, притча о милосердном самаритянине, повесть о Никодиме и т. п. Комната молитвенного дома всегда набита битком, всегда в ней движение: одни уходят, другие приходят. Спустя 3–4 дня устраиваются собрания в отдельных домах. Автору настоящего очерка удалось побывать на одном таком собрании, происходившем в доме финляндца в приходе Энаре. Когда он с проводником, богатым и довольно известным «кристаляш» из Карашока, вошел в небольшую, но очень чистую избу хозяина, последний осторожно, чтобы не нарушить общей торжественности, подал вошедшим скамейку, приглашая присесть. В комнате было довольно много народу, расположившегося вдоль одной из стен на полу и на скамейке. Проповедник сидел у стола, держа в руках книгу псалмов. За тем же столом у другого конца сидела женщина, судя по костюму, финляндка, откинув назад к стене голову с закрытыми как бы в изнеможении глазами. То же выражение было у многих из присутствующих, как у мужчин, так и у женщин. Среди глубокой тишины раздавался строгий, твердый голос поучающего, в тоне которого слышалась уверенность в своих словах и недопустимость каких бы то ни было возражений. Та же мысль была написана

и на его худощавом лице с козлиною бородкою и парой глубоких, лихорадочно блестящих глаз. Окончив говорить, финн затянул псалом, и его тотчас подхватили присутствующие, причем особенно громко и резко пела женщина, сидевшая у стола. После пения все несколько оживилось, слышались сдержанные вполголоса разговоры, покашливания. Хозяин, высокий стройный финн, почтительно поставил перед проповедником чашку кофе, только что изготовленного его женою на плите, сахарницу, полную сахару, масло, домашние булки и стал угощать его; то же предложил он автору с проводником.

Отпив несколько глотков кофе, проповедник заговорил с проводником, но уже другим голосом, а именно таким, каким говорят строгие, но добрые и снисходительные учителя со своими учениками, приглашая и его сказать что-нибудь поучительное присутствующему народу, очевидно зная, что он тоже «истинный христианин». Йоханнес покраснел от удовольствия и дрожащим, прерывающимся от волнения и избытка чувств голосом, стал развивать и пояснять догмы лестадианства, изредка прерываемый короткими вставками и поправками «старшего брата». Окончив поучение и выпив кофе, Йоханнес поднялся, и все вместе мирно вышли на морозный вечерний воздух.

А вот что рассказывает миссионер, диакон Нильсен, уже лет пятнадцать работающий среди лопарей, об одном собрании, бывшем в Бугофиорде в Зюдварангере. Проповедник говорил по-фински. Когда был пропет один псалом и проповедник говорил довольно долгое время, одна лопарская женщина (или девушка) начала вдруг выкрикивать, подниматься со своего места, бросаться на шею сидящей рядом женщине и, рыдая, каяться в своих грехах. Этим был подан сигнал к лестадианскому «*dikkatusak*» и большинство начало проделывать то же. Некоторые переходили от одного человека к другому, сознаваясь в грехах, обнимаясь и получая отпущение; другие хлопали в ладоши, прыгая на одном месте; третьи размахивали головными платками, энергично жестикулировали и громко кричали, одни — по-фински, другие — по-лопарски. Когда таким образом прошло с полчаса, шум постепенно стал утихать; присутствующие сели на свои места, бледные и утомленные. Вдруг одна из женщин опять вскочила, сорвала со своей головы платок и стала расхаживать взад и вперед между скамейками, махая во все стороны платком и крича по-фински: «*Kiitas Jumalan!*» («Благодарение Господу!»). Женщина эта прихрамывала на одну ногу, что делало ее движения комичными, возбуждающими смех в окружающих. Заметив это, она и сама начала смеяться. Проповедник пытался было продолжить свою речь после того, как начался «*dikkatusak*», но скоро принужден был замолчать. Лишь только волнение улеглось, он поговорил еще немного и собрание разошлось.

А вот описание еще одного собрания лестадиан, происходившего в Порсангере: проповедь должен был говорить брат Кариолан из Финляндии. Большой дом финляндского колониста с низким потолком и маленькими окнами был переполнен народом, сидевшим молча, со страхом и тревогой ожидавшим известного проповедника. Слабое мерцание лампы еще более оттеняло поразительную бледность отца Кариолана и его черные, лихорадочно блестящие глаза, которыми он обводил собравшихся, как бы гипнотизируя, покоряя их своей властью. Когда воцарилась гробовая тишина, Кариолан поднялся с своего места, хмурый и большой, закрыл глаза и начал медленно и отчетливо произносить: «Отче наш, иже еси на небесех...». Казалось, что слова неслись откуда-то издалека, они плавно и мерно лились одно за другим, тон голоса то грозно повышался, то опять понижался и поражал

проникновенностью и глубиной чувства. Когда же он в горестном, полном муки, воодушевлении воскликнул: «...И остави нам долги наша...», женщины разразились вдруг судорожными рыданиями.

Кариолан запел псалом, захваченные религиозным экстазом, лопари подхватили мотив, и проникновенная, полная религиозного чувства, песнь торжественно зазвучала в тесной хижине.

Кариолан опять заговорил, и слова его были полны загадочности. Присутствующие беспомощно и растерянно смотрели в лицо друг другу, слышались истерические вскрики и всхлипывания.

Кариолан остановился. Лицо его мало-помалу прояснилось, светлело и засияло неземным восторгом, когда он закончил чтение Библии словами «и Бог осушит каждую слезу в глазах ваших!» Кариолан улыбался, смеялся, слушающие улыбались, смеялись, хохотали до изнеможения. Некоторые вскакивали, прыгали, танцевали, бросались друг другу в объятия — мужчины и женщины. Одна молодая полная женщина танцевала мужской танец, с нее сползли штаны и оголили ноги. Тогда муж танцевавшей крикнул: «Слушай, подыми штаны!», но женщина ничего не слышала. На лицах всех сияла восторженная улыбка: «И Давид танцевал, обнаженный, перед алтарем Господа!» Когда танцующая наконец измучилась и в изнеможении опустилась на скамейку, раздался голос: «Покаемся в грехах наших!» При этих словах женщина как бы пришла в себя, поспешно подняла штаны и разразилась перечислением своих грехов. «Грехи нашей сестры от всего сердца прощаются!» — воскликнули присутствующие хором, но женщина продолжала говорить дальше и поведала собранито грязную, циничную историю. Когда покаяние окончилось, начались обыкновенные, злободневные разговоры. Женщина подошла близко к Кариолану, но последний с омерзением отвернулся от нее.

Распространение лестадианства не обошлось без кровавой драмы, разыгравшейся в Каутокейно в середине прошлого столетия. Лестадиус не ограничивался своею проповедью, он рассылал во все стороны учеников, из которых одним из талантливейших был Йохан Браттама. Скоро между оленеводами Каутокейно было довольно много сектантов, из которых некоторые стали заявлять, что они святые; другие говорили, что они дух без плоти, нашелся даже Христос. В то же время женщины перестали носить головные уборы с деревянными верхами, [стали] ходить в кирку в плохой одежде, без поясов. Постепенно разрастаясь, через некоторое время движение приняло угрожающий характер. Так, к местному пастору пришел однажды оленевод, потребовал признания его за большего, чем Христос, и, когда ему было отказано, отправился в горы, обещая вернуться с достаточным для расправы с сынами дьявола количеством людей. Пастор немедленно послал за помощью в Альтен к фогту, и в результате виновные были наказаны. Когда последние вернулись в горы, то стали готовить план обращения жителей Каутокейно на путь истинный и решили убивать всех, кто будет отказываться от обращения. Только ленсман и купец были наперед приговорены к смерти как люди совершенно неисправимые. Пастора же решено было доставить к стоянке и здесь убедить его перейти в сектантство. Главарем этого предприятия был Аслак Хэтта; ему действительно удалось собрать толпу оленеводов, явиться с нею в Каутокейно, убить ленсмана и купца, разграбить у последнего товары и сжечь дом. Но тут на помощь оставшимся в живых прибыл из лежащего неподалеку маленького поселка 16 мужчин и 3 женщины с псаломщиком

во главе, и, несмотря на то, что противники превосходили их почти вдвое, связали их и посадили в амбар пастора. Из 33, попавших под суд лопарей, два — Аслак Хэтта и Монс Сомби — были казнены в Альтене в 1854 г. Монс Сомби все время был спокоен и умер героем. Аслак же до последней минуты надеялся на помилование и, только увидав отрубленную голову товарища, понял, что все потеряно и его силою повели на эшафот. На казни приеутетвовала* масса народа, в том числе много оленеводов из Каутокейно.

Публикация А. Ю. Заднепровской

Примечания

¹ Kurojtnik M. Sergei Sergel and his visit to Finnmark // Acta Borealia, 1996, N 2, P. 125–134.

² Дата и место рождения С. И. Сергеля установлены по архивным материалам старшим научным сотрудником РЭМ Н. И. Ивановской.

³ Сергель С. И. 1) Год кочевки с лопарями: очерки природы и людей. М.; Л., 1927; 2) В зырянском краю. М.; Л., 1928.

⁴ Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 566, л. 4.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 5.

⁷ Фототека РЭМ, №№ 984, 1056.

⁸ Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 566, л.

⁹ Там же, л. 38–39.

¹⁰ Сергель С. И. Год кочевки с лопарями. С. 93.

¹¹ Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 75, л. 14.

¹² См. статью М. С. Куропятник в настоящем сборнике.

¹³ Фототека РЭМ, № 3186

¹⁴ См. статью М. С. Куропятник в данном сборнике.

¹⁵ Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 566, л. 3.

¹⁶ Там же, д. 568.

* Так в оригинале.